

СОНЯ ЕРГЕНОВА

ЛИСОФАНЖЕ

Соня Ергенова

Лисофанже

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66734198

SelfPub; 2024

Аннотация

Полине десять. Она лепит из пластилина страну Лисофанже и девочку, какой хочет быть. Выдуманная Глаша выглядит как сестра-близнец, живет одна в парящей над океаном квартире и ныряет прямо из комнаты в волны. Вот это и есть жизнь! Когда над Лисофанже нависает черная туча, выдуманной девочке приходится выбираться из своего мира в реальность. При встрече Полина осознает, сходство у нее с Глашей только внешнее, и никогда ей не стать такой же, как ее выдуманная копия. Полина перестает понимать, зачем вообще она есть, если есть Глаша.

Содержание

Глава 1. Как Кира встретил Глашу	4
Глава 2. Полина	13
Глава 3. А ты веришь в двойников?	18
Глава 4. Крыши города	26
Глава 5. Летающая квартира	33
Глава 6. Как Кира и Глаша гребут к берегу	45
Глава 7. Пластилиновый мир Полины	56
Глава 8. В гостях у Доктора Бо	62
Глава 9. Полине снится сон	70
Глава 10. Кира забегает домой	75
Глава 11. Поиски Полины	83
Глава 12. На защиту Софлигора!	89
Глава 13. Кент, жук-плавунец и бешеные огурцы	97
Глава 14. Лисофанже	104
Эпилог	116

Соня Ергенова

Лисофанже

Глава 1. Как Кира встретил Глашу

Кира поднимался по лестнице настороженно, вглядываясь в темные дверные проемы пустых квартир. На предпоследнем этаже он услышал кряхтение и кашель. Перемахивая через три ступеньки, мальчишка промчался беззвучной тенью по пролетам лестницы. Достигнув чердака, знакомой тропинкой он прошмыгнул в дальний угол, где в крыше мерцало окошко с уцелевшими стеклами.

Мальчик устроился на деревянной балке, порылся в рюкзаке и вытащил шоколадный батончик. Кира припас его с утра, стащив из школьной столовой. Батончик помялся, и шоколадная корочка пошла трещинами, как облупившаяся краска на оконной раме. Кира медленно разжевывал вязкий шоколад и отковыривал ногтем вздыбившуюся краску с доски. Так можно ни о чем не думать, ни о чем не вспоминать и быстрее скоротать ночь.

Из-за шума дождя Кира не заметил, как кто-то подошел к нему со спины. Почувствовав прикосновение к плечу, мальчишка дернулся и вскрикнул от испуга.

Кира в секунду вскочил, схватил оранжевый школьный

рюкзак и выставил его перед собой как щит. Из рюкзака градом посыпались учебники и тетрадки, голуби возмущенно взлетели под крышу, а Кира уставился на стоящую перед ним девочку.

На вид она была его ровесницей – лет десяти, не больше. Даже в тусклом свете чердака было видно, какая она чумазая. Нечесанные волосы висели сосульками до плеч. Коленки спортивных штанов изорвались, а кофта была сплошь заляпана грязью. При этом девочка имела вполне себе довольный вид, криво ухмылялась и разглядывала Киру.

Даже в испачканных промокших ботинках, без пуговицы на пиджаке и с разорванной штаниной (подрался на перемене с Чугуновым) Кира выглядел гораздо опрятнее девочки.

Наверное, такими бывают беспризорники, о которых вечно твердила соседка Вера Александровна, решил Кира.

– Привет, – чересчур буднично для ночной чердачной встречи заговорила незнакомка и вытерла рукавом куртки нос, – как поживаешь?

– Ты что тут делаешь? – настороженно спросил Кира. Девочка не ответила, осмотрелась по сторонам, заметила чердачное окошко и мимоходом поинтересовалась:

– Ты тут живешь?

– Еще чего! – возмутился Кира. – Из дома сбежала?

– Не угадал, – надменно ответила замухрышка и стала пробираться через прогнившие доски к окну.

– Очень надо мне гадать, – фыркнул Кира и принялся за-

пихивать в рюкзак выпавшие тетрадки и учебники.

На потолке отразились фары машин. Девочка с удивлением проводила их взглядом и принялась тянуть на себя запыленную раму, чтобы ее открыть и выглянуть на улицу. Рама со скрежетом поддалась и рухнула. Девчонка ловко отскочила. Стекла вдребезги разбились об пол. По пустому дому раздалось зловещее гроыхающее эхо.

– Тише ты! – Кира зажмурился и почувствовал, как от надвигающегося страха забилося сердце.

– Я тебя разбудила? – ехидно поинтересовалась девчонка, но тут же нахмурилась и прислушалась – с лестницы донесся жуткий хрипящий кашель и тяжелые грузные шаги:

– Это еще кто?

– Прячемся! – громким шепотом скомандовал Кира, быстро надевая на плечи рюкзак, и замахал рукой, показывая за балку. – Сюда!

– Бежим! – шикнула девчонка, хватая Киру за рукав и таща в другую сторону. – Туда!

– Прячемся! Пусти! – вырывался Кира.

– Бежим! – тянула его девчонка.

Над уровнем пола чердака взгромождалось, кряхтя и давясь кашлем, бесформенное чудище. Его лицо скрылось за бородой и сальными паклями волос, будто и вовсе не было у него лица, а лишь звериная шерсть и сверкающие из-под нее в тусклом свете оконца воспаленные глазища.

Дети вмиг замолкли, юркнули за балку и замерли как при-

гвождённые, уставившись в ужасе на чудовище.

Чудище, давясь кашлем, взобралось, наконец, на чердак и перевело сопящее дыхание. Затем подтянуло штаны, которые вываливались из рваных валенок, и запахнуло замасленную жилетку, одетую поверх не сходявшегося на нем пальто.

– Кто это? – еле слышно прошептала девчонка.

– Бродяга... – еле слышно ответил ей Кира. – Говорят, они едят детей...

Ребята еще сильнее вцепились друг в друга и затаили дыхание.

Бродяга огляделся, сделал несколько медленных шагов по чердаку, разглядывая хлам под ногами. Затем с кряхтением наклонился и поднял с пола старую кочергу. Держась за спину, он разогнулся с кочергой в руке и прохрипел:

– Есть тут кто?

Пробираясь через разбросанные под ногами доски и отгоняя кочергой копошившихся голубей, бродяга подходил ближе и ближе к прятавшимся детям.

Девчонка подергала за рукав Киру и стала медленно отползать назад. Но Кира не двигался с места. Мальчика охватил ужас, от которого руки и ноги сделались ватными, во рту пересохло.

Внезапно, бродяга, перешагивая через доску, зацепился за нее рваным валенком и с ревом и ругательствами рухнул прямо на балку, за которой прятались дети.

Перед носом детей шлепнулась заляпанная копотью боро-

датая рожа с красными глазищами.

– Бежим! – заорала девчонка и бросилась наутек. Как очнувшись от ее крика, Кира бросился следом.

Врезаясь в разлетающихся голубей, не глядя под ноги, спотыкаясь и падая, дети неслись по чердаку.

– Скорее к пони! – закричала девчонка, прорываясь в самый темный угол чердака. И вдруг доски под ногами протяжно заскрипели и рухнули, увлекая за собой, как с горки, беглецов.

Скатившись кубарем по доскам, Кира не ощутил боли при падении, настолько страх захватил его. В голове билась лишь одна мысль: «Бежать!». Он схватил за руку замешкавшуюся на полу девчонку, оторопело смотрящую вверх и твердящую: «А как же мой пони?», и они понеслись вниз по пролетам в полнейшую тьму.

Тьма позади. Тьма впереди. Тьма, заполненная громяющим эхом топота ног, смыкалась вокруг, наводя ужас. Кире казалось, что из темноты к нему тянутся руки бродяг и хватают его! Беспомощно выпучив глаза, Кира едва нащупывал ступени ногами и боялся выпустить руку девчонки.

Еще один бесконечный пролет, и впереди показалась покосившаяся дверь парадной, мерцающая ярким светом. Ребята выскочили на освещенную фонарями улицу, прошмыгнули в щель строительного забора и очутились на спасительном тротуаре ночного города.

Громко дыша, не произнося ни слова, они уходили быст-

рым шагом от зловещего дома. Дождь поутих, но все еще моросил, разлетаясь блестками по лужам. Машин и прохожих поубавилось. Кира прикинул, что время приближалось к полуночи.

– Ну ты и испугался бродягу! – как ни в чем не бывало сказала девчонка и засмеялась, замедляя шаг: – Ну и стрелочка ты дал! А калека-то еле ходит.

– Вот и возвращайся к нему, – отрезал Кира.

– Я как раз и собираюсь возвращаться, – надменно заявила девчонка. Киру порядком раздражал ее тон:

– Давай-давай! У тебя же на чердаке пони? Плюшевый или на колесиках?

Девчонка снова ухмыльнулась и собиралась ответить, как рядом с ними остановилась патрульная машина. «Черт!» – тихо выругался Кира и попятился. Полицейский уже выходил из машины со словами:

– Почему одни на улице в ночное время?

– А какое вам дело? – искренне изумилась девчонка, но заметив краем глаза, как Кира опрометью рванул в подворотню, не стала дожидаться ответа полицейского, растерявшегося от ее вопроса, и понеслась следом.

Мальчишка наизусть знал дворы-колодцы в районе и мчался из последних сил. Он специально выбирал дворы с закрытыми воротами, надеясь, что полицейский не перелезет. Сам Кира ловко взбирался на ворота и спрыгивал с высоты. В одном из дворов зубья закрытых ворот доходили до

самого потолка подворотни и перелезть через них было нельзя. Кира, не раздумывая кинулся под них, прямо животом в лужу и едва пролез, цепляясь за металлические прутья рюкзаком.

В груди жгло, дыхания не хватало, в боку кололо. Кира чувствовал буквально за спиной полицейского. Еще чуть-чуть и тот его схватит!

– Пусти! – заорал Кира, когда жесткая хватка ужалила ему руку. Эхо ударилось о желтые стены двора-колодца.

– Тише. Это я, – услышал он задыхающийся шепот девчонки, – дядька еще под забором в том дворе не пролез. И что он за нами увязался?

– Если меня поймают, мне конец, – выдохнул Кира, на ватных ногах зашел за мусорный бак и в изнеможении опустился на корточки, сжал руками вспотевшие волосы. Ему хотелось разрыдаться от бессилия и страха:

– Я больше не могу бежать...

– Послушай, – девочка опустилась рядом с ним. – Тебя как зовут?

– Кирилл, – пробормотал мальчишка, не поднимая головы.

– А я Глаша, – призналась девчонка и тихо продолжила. – Послушай, Кирилл, ты молодец. Если бы не ты, я бы одна не удрала. А этот бегают быстрее бродяги. И я не удивлюсь, что он-то точно ест детей. Подумай, где нам спрятаться?

Кира продолжал сидеть, уткнувшись головой в колени, и

думал: «Глаша – ну и имечко!».

– Думаете: «Убежали!»? – из-за мусорного бака выскочил патрульный. – Живо в машину!

– Пролез-таки! – фыркнула Глаша и ринулась за Кирой. Казалось, бежать сил больше не было, но ноги бежали сами знакомыми с детства дворами.

Загнанные обессилившие ребята спрятались под припаркованный автомобиль. Запыхавшийся полицейский долго оглядывался в разные стороны улицы, ища беглецов. Наконец, за ним приехала патрульная машина.

Для надежности Кира и Глаша еще немного пролежали под автомобилем. Кира лбом упирался в холодный асфальт и слушал, как бешено колотится сердце. Наконец, ребята вылезли, перепачканные с ног до головы. Теперь они не отличались друг от друга.

– Ну и нравы тут у вас, – задумчиво произнесла Глаша и зевнула. Кира удивленно посмотрел на нее – она не выглядела перепуганной, как он. И даже теперь устало улыбалась.

– Пожалуй мне пора, – сказала Глаша, протягивая Кире руку. – Подскажи, как к дому с бродягой вернуться?

Кира пожал ее горячую мокрую руку и молча повернул голову в сторону – через дорогу глядел на них пустыми черными окнами заброшенный дом, обнесенный строительным забором. Кире хотелось спросить, зачем ей туда возвращаться, но он так устал, что лишь кивнул на прощанье.

– Прощай, Кирилл! Спасибо за прогулку! – крикнула Гла-

ша с другой стороны улицы. Кира махнул ей рукой и нехотя поплелся домой – больше идти было некуда.

Глава 2. Полина

Классная руководительница представляла классу новенькую. Полина стояла у доски, опустив в пол глаза. Быть новенькой ей не хотелось. Ей вообще не хотелось идти в школу, ведь она была не простой новенькой – Полина впервые в жизни попала в школу и сразу в четвертый класс! Впервые в жизни ее затолкали в школьной раздевалке, пока она переодевала сменку. Впервые в жизни она пробиралась к классу сквозь толпу орущих, кричащих, бегающих детей. И впервые в жизни она стояла у доски, чувствуя, как предательски горит лицо. Учительница стояла рядом, заботливо обхватив Полину за плечи, и говорила:

– Ребята, Полина первые три класса училась дома, на семейном обучении. Полине надо помочь привыкнуть к школьной жизни, показать ей, где у нас столовая, спортивный зал, библиотека. Думаю, вы справитесь. Ребята у нас в классе хорошие. Не переживай, они тебе все покажут, расскажут.

Учительница все говорила и говорила, как вдруг раздался звонкий стук в дверь, и Полина выдохнула – класс моментально переключился на ворвавшегося в класс мальчугана со шкодным выражением лица и ярким оранжевым рюкзаком. Раздались одобрительные смешки, радостные улыбки, ребята оживились, зашептались. Довольный произведенным эф-

фектом опоздавший кивал в ответ одноклассникам и корчил рожи сидевшей на первой парте девочке.

– Инна Марковна, можно войти? – отдышавшись, прокричал мальчишка. – Извините за опоздание.

И на его лице появилась гримаса наигранного раскаяния, которая привела класс в восторг.

Инна Марковна переменилась в лице при появлении мальчугана и тут же повысила голос, чтобы заглушить поднявшийся в классе веселый гомон:

– Ребята, успокойтесь немедленно! Кирилл Колбасников, опять ты срываешь мне урок? Третье опоздание за неделю. Дневник на стол.

Кира сбросил с плеча рюкзак, кинул его на первую парту прямо перед носом возмущенной одноклассницы и начал в нем рыться. Полина с завистью смотрела на Киру. Как ей хотелось также смело и уверенно разговаривать с учительницей, а не краснеть и мямлить еле слышно.

Мальчишка тем временем оторвался от рюкзака, поправил щегольски поднятый, как у старшеклассников, воротничок пиджака. (Полина обратила внимание, как опрятно он был одет, несмотря на потертый пиджак и пару заплаток на тщательно выглаженных брюках).

Класс затаил дыхание в предвкушении перла. И Кира Колбасников сокрушенно произнес:

– Увы, Инна Марковна, дневник сегодня не придет. Но вы можете написать выговор моему дневнику в тетрадь по

математике.

Класс разразился громким хохотом. Кира, давясь от смеха, еле держал серьезное лицо. Инна Марковна побагровела от злости и пулеметной очередью выпалила:

– На место, Колбасников. Я вызову твоих родителей в школу. Вызову, чтоб мне это не стоило. Я домой к тебе приду, Колбасников!

Кира невозмутимо сгреб в охапку рюкзак и, когда направился к последней парте, заметил новенькую.

Войдя в класс, он, конечно, увидел неприметную девочку с русой косичкой, в синем школьном сарафанчике, какие носили в их школе. Но лица ее он не разглядел. А теперь Кира нос к носу столкнулся с новенькой и мгновенно сообразил – Глаша! Только удивительно чистенькая и с выпученными от страха глазами.

У Киры рот раскрылся от удивления, но Инна Марковна неугомонно гнала его за парту. И Колбасникову пришлось идти на место, чуть не свернув голову в проходе, оглядываясь на новенькую.

Едва усевшись и закинув на стол верный оранжевый рюкзак, Кира дернул сидевшего перед ним друга Мишку:

– Это кто такая?

– Новенькая, Полина, – повернулся Мишка, удивившись вопросу. – Влюбился?

– Иди лесом, – отмахнулся Колбасников и про себя повторил: «Полина? А может она не она...». Потом Кира вспом-

нил про дневник и приуныл. Придется вернуться в заброшенный дом и искать.

Полину усадили за третью парту рядом с хорошисткой Варей. Приветливая Варя на перемене познакомила Полину с окружившими их парту одноклассниками. Девочкам не терпелось проявить заботу и участие. Полине понравились девочки, она заулыбалась и немного расслабилась. Хотя они и смутили ее вопросом, почему она была на семейном обучении. Полина уклончиво ответила, что маме было так удобнее.

– А тебе не скучно было учиться одной дома? – расспрашивали девочки.

– Нет.

– А чем ты еще занимаешься кроме школы?

– Леплю.

– Из глины?

– Нет, из пластилина.

– Ой, а я думала, из пластилина только в садике лепят! – засмеялась Ксюша, девочка с первой парты.

– Отстаньте от Полины с расспросами, пойдете ей лучше школу покажем! – предложила Варя, и они гурьбой побежали в рекреацию. Полина заметила, как гонявший с мальчишками в футбол Кира Колбасников пропустил пас, завидев ее, и одним прыжком оказался возле девчонок.

– Колбасников, что тебе нужно? Не видишь, мы Полине школу показываем! – заверещали девочки.

– Полина, – громко сказал Кира. – А ты слушаем ночами по чердакам заброшенных домов не гуляешь?

Подошедшие мальчишки громко засмеялись, Полина густо покраснела, а Варя сказала:

– Кирилл, отстань от Полины.

– А я вчера чердак обследовал в заброшенном доме, – продолжал Кира во всеуслышание, мальчишки одобрительно закивали, только Чугунов завистливо скривил рот, – и встретил там девчонку, как две капли воды похожую на тебя!

– Это была не я, – тихо ответила Полина.

– Это была не она, понял! – повторила Варя, заступаясь за испуганную Полину.

– Сам-то не врешь? – вмешался Чугунов. – Кто тебя ночью одного в заброшенный дом пустит?

Колбасников резко обернулся к Чугунову и, шкодно щурясь, сказал:

– Кого куда не пустят, так это тебя, винегретик! Покормила ли тебя мамочка сегодня винегретиком с ложечки?

Чугунов с яростью бросился на Колбасникова. Кира увернулся, и тот угодил в стену. Мальчишки заулюлюкали, а девочки поскорее увели Полину.

– Ты Киру не бойся, – сказала ей Варя, – он девчонок никогда не обижает. Даже защищает иногда.

– Кира хороший, – закивали другие девочки, – веселый. Только над Инной Марковной издевается.

И дразнится, – вставила Ксюша с первой парты.

Глава 3. А ты веришь в двойников?

На уроке французского Полина оказалась за одной партой с Кирой Колбасниковым, потому что в маленьком классе для занятий французским было всего четыре парты, и даже здесь Киру отсаживали одного. Полине не нравилось соседство Киры, и не нравился французский. Учительница не смогла добиться от Полины ни одной связной фразы. А Кира целый урок задавал Полине вопросы:

- Нет сестры близнеца?
- По ночам лунатишь?
- Тебя клонировали?
- Ела на ужин мухоморы?

Полина отрицательно качала головой, учительница злилась на обоих.

После уроков, пока Полина переодевала сменную обувь, надевала куртку и ненавистную шапку, Колбасников крутился в гардеробе поблизости: закидывал сменку одноклассников на лампу, разбежался и скользил на рюкзаке по кафелю.

Полина украдкой любовалась проделками Колбасникова и его ловкостью. Вот бы и ей проехаться на рюкзаке по полу!

Наконец, Полина направилась к выходу, где ее должна была встречать мама. Кира тут же сгреб в охапку рюкзак и отправился за девочкой на улицу:

- А ты веришь в двойников? Если двойники встретятся,

то... – Кира замолчал, потому что его рот открылся от удивления.

На противоположной стороне улицы стояла девочка в грязном порванном спортивном костюме. Кира тотчас узнал Глашу и заметил у нее в руках свой дневник. К Глаше подбежала женщина, выскочившая из припаркованной машины.

– Мама? – удивленно прошептала Полина.

Женщина взволнованно размахивала руками и что-то говорила Глаше. Из-за проезжающих мимо машин Кире и Полине не было слышно, что она говорит. Глаша сначала отстранялась от женщины и пыталась вставить слово, но женщина говорила без умолку, и в какой-то момент Кира и Полина с удивлением увидели, как Глаша послушно садится в автомобиль и уезжает с мамой Полины.

Полина как ошолбенела от увиденного, так и продолжала стоять, провожая не моргающими глазами мамину машину. Рядом трясся от смеха восхищенный Кира:

– Что я говорил!

У Полины был глубоко растерянный вид. Кира перестал хохотать во все горло и сказал:

– Ладно, только не реви. Ты где живешь?

Так быстро бегать Полине еще не приходилось. Кира привычно маневрировал в толпе прохожих, не сбавляя темпа, перебежал через дорогу на желтый свет, корча водителям смешные рожи.

Полина, едва поспевая, семенила следом, врезалась в про-

хожих, и прикрывала рукой полный рот смеха. Впервые в жизни она оказалась в городе одна без мамы. От ощущения свободы ее распирало счастье и ужас от того, что она может потерять из виду оранжевый рюкзак. Яркое солнце бликами играло на окнах домов, отражалось в стеклах машин. Сентябрьский день выдался на редкость теплым. Как же радостно было бежать навстречу солнцу! Даже шапка соскочила с головы Полины, и девочка размахивала ею как флагом непослушания.

По дворам колодцам гулко разносился стук маленьких каблучков Полины и ее смех. Раскатисто звучала самопроизвольная отрывка Киры. В одной подворотне ворота оказались закрыты, и Кира ловко перелез через них. Запыхавшаяся, смеющаяся Полина подскочила к воротам и растеряно остановилась.

– Я не могу перелезть, – едва слышно сказала она.

– И не надо, – Кира нажал на кнопку, открывшую калитку.

«Она совсем не похожа на Глашу» – думал Кира по дороге, замедляя шаг, потому что девчонка выбилась из сил.

Полина плелась следом, понурившись. Ей ужасно хотелось перелезть через ворота!

Ребята вышли из подворотни напротив дома Полины. Мамина машина была криво припаркована у парадной.

– Пошли! – подбодрил Кира Полину.

Полина почувствовала, как ей стало страшно. Чтобы Кира не заподозрил, как сильно она боится маму, девочка спроси-

ла:

– Что случится, если двойники встретятся?

– Ничего не случится, – махнул рукой Кира. – Я пошутил. Пошли, будет весело! Представляешь, как твоя мама обрадуется, что у нее теперь две дочки.

Полина знала, ее мама не обрадуется. Полина боялась представить, как отреагирует мама. Но с другой стороны, ей хотелось увидеть вблизи девочку, как две капли воды похожую на нее.

Кира нетерпеливо пинал окурок.

«Идти все равно придется. Рано или поздно» – думала Полина, продолжая тянуть время.

Вдруг девочка вздрогнула. Из парадной выскочила мама и резким шагом направилась к машине. Громко хлопнув дверью, она села за руль и, не заметив ребят, уехала.

– Уехала... – прошептала Полина и бросилась вслед за Кирой через дорогу к дому.

– Номер квартиры? – Кира собрался звонить в домофон.

– Третья, – ответила Полина и вдруг осознала. – Ой, домофон у нас всегда выключен. Ключей у меня нет. Что же делать?

Кира закатил глаза, до чего Полина беспомощна, набрал номер соседней квартиры и залихватски наплел соседке про утерянный ключ так, что та открыла им дверь. Полина вновь с завистью восхитилась находчивостью Киры.

Когда они неслись по лестнице на второй этаж, чувство

безумной радости от предвкушения встречи нахлынуло на Полину.

Глаша стояла на пороге. Во рту у нее торчала котлета. Засунув котлету целиком в рот, Глаша приветственно кивнула Кире и Полине.

Полина во все глаза уставилась на Глашу – словно смотрела на себя в зеркало – те же глаза, тот же нос, такой же длины волосы. Теперь, когда Глаша была чисто вымыта, причесана, а еще и в Полининой пижаме, сходство между девочками было поразительным.

– Да вы как двойники! Вы двойники! – заорал Кира на всю парадную, переводя взгляд с одной на другую.

– Глупости, и совсем мы не двойники, – отрезала Глаша, проглотив котлету. – Хорошо, что ты пришла, девочка слегка на меня похожая, потому что я уже собираюсь уходить. Твоя мама вот-вот вернется.

– Как уходить? – удивился Кира. – Ты не хочешь дождаться ее маму и выяснить, сестры ли вы?

Глаша покрутила пальцем у виска:

– Конечно, нет! Кстати, Кирилл Колбасников, я принесла тебе твой дневник. Он валяется где-то в коридоре. Всем пока! Приятно было познакомиться, – и Глаша, проскочив между ребятами, поскакала вниз по лестнице прямо в домашних тапочках.

– Постой! – вдруг опомнилась Полина, до сих пор не сказавшая ни слова. Ей ужасно не хотелось, чтобы девочка так

быстро уходила. – Разве ты пойдешь в пижаме и тапочках?

– И то верно, – согласилась Глаша, остановившись, и рассудила:

– В таких тапках не убежать от мам, которые хотят тебя отмыть и накормить. Желание поесть сыграло со мной злую шутку...

– Пойдем, я дам тебе одежду и кроссовки, – предложила Полина. Глаша охотно согласилась.

Пока девочки переодевались в комнате Полины, Кира подобрал свой дневник на груде грязных лохмотьев, снятых с Глаши, и отправился на кухню:

– Не волнуйтесь, я буду на шухере. Посмотрю в окно, не появится ли твоя мама.

Квартира Полины была просторной с серыми стенами и белой мебелью, на кухне стоял большой круглый стол, застеленный скатертью, сервированный тарелками, салфетками, ножами и вилками, на плите еще дымилась кастрюля с супом, а рядом стояли тарелка котлет с золотистыми корочками и блюдо с салатом. Кира залюбовался красотой чистой светлой кухни. Затем взял со стола тарелку, налил себе до краев суп, набрал котлет, хлеб и удобно устроился на широком подоконнике караулить.

Когда девочки вошли на кухню, Кира не сразу сообразил, кто есть кто. Теперь Полина была одета в пижаму, а Глаша переоделась в джинсы, футболку и ветровку. В руках она несла большой голубой рюкзак с дельфином из пайеток.

– Говоришь, твоя мама будет не против, если я заберу котлеты, хлеб и что у вас есть в холодильнике? – спрашивала Глаша, заталкивая в рюкзак буханку хлеба и одновременно изучая содержимое холодильника.

– Конечно, бери, бери, – говорила Полина, складывая котлеты в контейнер. – Я придумаю, что сказать маме. А ты приходи обязательно еще, если проголодаешься.

Ей нравилась Глаша. Полина восхищалась ей уже больше, чем Кирой. Даже за считанные минуты знакомства Полина разглядела в Глаше ту себя, какой она мечтала быть – решительной, смелой, свободной!

Потрясенный Кира с удивлением следил за тем, как Глаша набивает рюкзак.

– Может, передумаешь возвращаться на чердак и жить с бродягами? – спросил он Глашу.

Глаша с морковкой в руке даже отвлеклась от холодильника и удивленно уставилась на Киру. Тот тянулся еще за одной котлетой, пока Полина не закрыла контейнер.

– С чего ты взял, что я живу на чердаке с бродягами?

– А где же ты живешь? – наконец, подловил ее Кира, потому что еще с первой встречи что-то неуловимое в манерах Глаши не стыковалось в его голове с образом беспризорницы.

– У меня роскошная квартира размером с футбольное поле, с водопадом в гостиной, фруктовым садом и овощным огородом, а еще мне приходится перемещаться от спальни

до кухни на велосипеде. Это порой утомительно.

Кира чуть не подавился от смеха котлетой, а Полина широко раскрыла глаза и на полном серьезе спросила:

– Правда?

– Разумеется!

Полина открыла было рот, чтобы спросить у Глаши еще что-то очень важное для нее, как вдруг в замке повернулся ключ.

Ребята дружно замолчали. Кира глянул в окно – у подъезда стояла машина мамы Полины.

– Шухер, – прошептал Кира.

– Спрячь меня! – попросила Глаша с набитым рюкзаком.

– И меня тоже, – вставил Кира, не желая быть в ответе перед мамой Полины за пропажу продуктов в этом доме.

Полина за секунду до того, как открылась входная дверь, провела ребят в свою комнату, пообещав отвлечь маму, чтобы они смогли уйти незамеченными. Сердце Полины стучало, когда дверь наконец открылась, и в квартиру вошла мама.

Глава 4. Крыши города

Очутившись в уютной комнатке Полины с развешанными на стенах рисунками морей и океанов, ребята лихорадочно озирались в поисках укрытия – письменный стол с разбросанными карандашами, комод с большим аквариумом, растрепанный от книг стеллаж и кровать, покрытая голубым лоскутным покрывалом. Выбирать было не из чего – Кире, Глаше и двум рюкзакам пришлось уместиться под кроватью и опустить пониже покрывало. Из-за закрытой двери они не слышали, что говорит мама Полине, слышали только монотонный звук ее голоса.

– Похоже мы здесь надолго, – прошептала Глаша, пытаясь устроиться поудобнее, но ей что-то мешало в углу.

– Напротив окна растет каштан. Сможешь допрыгнуть до него? – спросил Кира.

Глаша хмыкнула, что означало: «Еще бы! Как ты мог усомниться в моих прыгательных способностях?»

Уже выползая из-под кровати Глаша обернулась, чтобы рассмотреть то, что ей мешало. Это оказался пыльный пластилиновый город с покосившимися домишками на небольшой дощечке. Рядом стояли еще несколько дощечек с разными строениями. Глаша засмотрелась на них, пока ее не окликнул Кира. Он уже стоял на подоконнике перед открытым окном и приноравливался к прыжку.

– Подожди! – шикнула на него Глаша, схватила со стола ручку и стала быстро писать. Свернув записку с надписью «Полине» и положив ее на видное место, Глаша подобрала рюкзак и запрыгнула на подоконник.

Чуть раскрасневшийся от осени каштан расправил толстые раскидистые ветви в полтора метрах от окна. Кира отдал Глаше свой рюкзак, слегка отклонился назад для разгона и прыгнул.

Долетев до ветки и зацепившись за нее, Кира больно расцарапал ладони о кору, повис. Затем качнулся и на руках сделал несколько перехватов ближе к стволу, пока не обхватил дерево ногами. И спустился по стволу, чувствуя, как отрываются пуговицы на пиджаке.

Глаша скинула Кире оба рюкзака и последовала тем же путем.

Вырвавшись на свободу, Глаша взгромоздила на себя тяжелый набитый рюкзак и буквально сорвалась с места. Девочка быстрым деловым шагом пошла по улице, махнув Кире на прощанье.

– Подожди! – крикнул Кира, догоняя ее. У него было приподнятое настроение после вкусного обеда, и теперь его донимал один вопрос.

– Чего еще? – спросила Глаша, не сбавляя шаг.

– Ты спешишь в роскошную квартиру размером с футбольное поле?

– Угадал.

– Могу ли я напроситься к тебе в гости? – не унимался Кира, не сдерживая иронию.

– Нет.

– Почему?

– У меня трудности с квартирой. И я намерена решить их.

А потом я возможно и приглашу тебя в гости.

Кира смеялся в голос и во всю подтрунивал над Глашей:

– Трудности – ха-ха! Квартира с футбольное поле – ха-ха!

Вдруг Глаша резко затормозила прямо перед Кирой и развернулась. Кира на полном ходу наскочил на девчонку и больно ударился носом об ее лоб.

– Да ты чокнутая! – Кира схватился за нос.

Глаша ничего не ответила, грозно глянула и пошла своей дорогой.

Кира потирал нос, стоя посреди улицы. Было обидно получить по носу от девчонки. Но Кира был человеком отходчивым, поэтому, потеряв нос, он побрел по городу, тем более, что погода стояла совсем летняя, во всю светило солнце, и настроение у Киры быстро наладилось.

Ноги привычным маршрутом привели Киру к заброшенному дому. Только теперь дом уже не был заброшенным. Рядом с ним стояли грузовики, из которых рабочие в строительных касках, выгружали леса. Часть строительного забора была открыта и в окнах дома то и дело мелькали оранжевые каски и жилеты.

Кира остановился, наблюдая за действиями рабочих. И

вдруг он увидел голубой рюкзак. Это была Глаша. Она о чем-то яростно спорила с рабочим. Кира догадался, что она хочет пройти в дом, но ее не пускают. Это развеселило его еще сильнее. Он с довольной миной прислонился к стене дома напротив, чтобы удобнее было наблюдать. Даже отсюда было видно, как злится Глаша. Наконец, рабочие вытолкали ее силком на тротуар. Глаша растерянно озиралась по сторонам, думая, что предпринять, когда заметила Киру.

Пока Глаша подходила ближе, Кира важно скрестил руки на груди, стараясь не улыбаться.

– Мне нужно попасть на чердак, – заявила она. – Знаешь, как туда пробраться?

Кира неопределенно повел головой. Конечно, Кира знал. Кира знал с закрытыми глазами ближайшие подворотни, дворы, парадные, проходы, подвалы и чердаки с выходами на крыши.

– Кира, помоги, – вид у Глаши был хмурым. Кира заколебался: «Неужели она взаправду?»

– Хорошо, я приглашаю тебя в гости! – сдалась Глаша.

Кира прыснул со смеху, но, увидев, как сильнее насупилась Глаша, перестал смеяться и махнул девчонке рукой в знак того, чтобы она следовала за ним. Снова они бежали по подворотням, перелезали через ворота, звонили в домофоны, взлетали по лестничным пролётам...

Город, сверкающий в лучах солнца, распростерся под их ногами. Крыши, крыши, крыши кругом и вкрапления слепя-

щих глаза блистающих куполов и шпилей под огромным синим небом.

А внизу великолепные мосты, проспекты, набережные, где ползли в пробках, как разноцветные жуки, автомобили.

До крыш же доносились лишь отголоски шума городских улиц, лишь громыхающий ветер в ушах, несущий волны широкой реки с металлическим отблеском волн.

Ребята стояли на крыше, замерев от восторга, задыхаясь от бега, и смотрели, смотрели кругом, не в силах наглядеться.

– Ого! – Глаша не нашла подходящее слово.

– Круть неземная, – самодовольно произнес Кира, прислонившись к трубе.

Затем они шли по крышам бескрайнего сияющего под солнцем города. Бесконечные крыши, шум ветра в ушах – навевали чувство радости и свободы, ощущение полета и торжества.

Кира ловко пробирался вперед, взбирался на трубы, размахивал руками и кричал: «Круть неземная!». Глаша не отставала, хотя и не скакала из-за набитого рюкзака за плечами.

Вскоре ребята остановились на крыше нужного им дома. Девочка не торопилась лезть на чердак, она жмурилась на солнце, подставляя лицо его лучам.

– Ты чего? – спросил, наконец, Кира и посмотрел туда, куда, не отрываясь, смотрела Глаша.

На горизонте, где бескрайний океан серых крыш сливался с синевой неба, жгло глаза, уже чуть склонившееся к закату, яркое ослепительное солнце.

– Да так, – вздохнула Глаша и спросила. – Который час?

– Четверть пятого, – Кира посмотрел в потрепанный телефон с разбитым экраном.

– Надо поспешить. Не передумал идти со мной?

Киру вновь рассмешила Глашина серьезность. Он еле сдержал улыбку и уверенно ответил:

– Не передумал.

И юркнул за Глашей на чердак.

После яркого солнца в темноте чердака было ничего не разглядеть, поэтому ребята не сразу заметили рабочего. Зато рабочий сразу заметил ребят и, осветив фонарем, окликнул их:

– Вы что тут делаете, детвора? Идите ко мне, выведу вас отсюда.

Глаша и Кира переглянулись.

– За мной! – скомандовала Глаша и схватила Киру за руку.

Ребята неслись по чердаку, в самый дальний и темный его угол, как той ночью от бродяги. На этот раз Глаша смотрела под ноги и, заметив дыру в полу, в которую в прошлый раз они провалились, вовремя притормозила, и они с Кирой обошли ее сбоку по шатающейся балке. Кира еле разбирал дорогу и слышал, как рабочий кричал им вслед. Вдруг Кира налетел на что-то мягкое. От испуга он отскочил, не пони-

мая, что это.

– Залезай! – услышал он голос Глаши.

Мальчик моргал глазами, пытаясь угадать, действительно ли перед ним лошадь.

– Откуда здесь лошадь?

– Это мой пони, его зовут Чушка, – ответила Глаша, уже влезшая в седло, и подавая руку. – Быстрее, Кира!

Кира почувствовал, что ему стало не до смеха. Он засомневался, идти ли ему в гости. Но за спиной все громче и строже доносился голос рабочего.

– Либо ты со мной, либо уходи, – шикнула Глаша, – Ну же!

Раздумывать было некогда. Сердце у Киры бешено заколотилось. Рабочий и прыгающий свет фонаря были все ближе и ближе. Наконец Кира решился. Он схватил Глашу за руку и взобрался на пони. Лошадка тут же рванула с места. Мальчик едва удержался, ухватившись за голубой рюкзак.

Когда подбежал рабочий, ребят нигде не было. Он удивленно остановился и осветил фонарем чердак. На прогнивших балках, беспокойно воркуя, восседали голуби, валялся хлам, доски, останки стульев и старый искореженный диван, комнатная дверь была прислонена к стене. Луч фонаря уткнулся в синие волны, нарисованные детской рукой на белой поверхности двери. Рабочий в растерянности пожал плечами.

Глава 5. Летающая квартира

Копытца цокали по деревянному полу, лошадка разгонялась быстрее и быстрее. В какой-то момент цокот стих, лошадка прыгнула, и Кира ощутил состояние свободного падения. Мальчик зажмурился, его пронзила мысль: «Падаем!». Он весь сжался и затаил дыхание.

Прыжок затягивался.

– Кира, ты как? – обернулась Глаша, перекрикивая громышающий ветер. Мальчик опасно разжал глаза.

Безграничное синее небо раскинулось над их головами. Впереди сияло и ослепляло огромное оранжевое солнце. А внизу клубились густые темные облака.

– Разве так бывает! – закричал Кира в восторге и ужасе и вцепился в рюкзак еще сильнее.

Глаша подала корпус вперед, сжав ногами бока пони и слегка натянув вожжи, направив Чушку прямо в гущу темных облаков. Лошадка накренилась и, не сбавляя скорости, врезалась в облака. Черный туман заполнил собой пространство вокруг ребят. Кира не видел теперь даже головы пони. Так в крошечной тьме прошла целая минута или две.

Наконец, лошадка вынырнула из-под густых облаков. Под облаками царили сумерки. Внизу можно было разглядеть океан с серыми барашками на волнах. До ребят со свежим бризом долетали соленые брызги, горьковатый запах океана

и водорослей.

Наконец, впереди зажглись едва заметные огоньки, которые больше и ярче разгорались и вскоре превратились в фонари и разноцветные гирлянды, освещавшие парящий над океаном, словно гигантская туча, остров. Он грузно завис над волнами, и корни деревьев торчали из его брюха и покачивались на ветру.

«Размером с футбольное поле...» – мелькнуло в голове у Киры, и он высунулся из-за Глашиного плеча, чтобы лучше рассмотреть. Остров был поделен стенами на множество комнат. Между комнатами петлял лабиринтообразный коридор. По стенам как лианы висели гирлянды, и в их свете было видно людей, находившихся в комнатах или идущих по коридору. Кира пригляделся и заметил, что крыши над некоторыми комнатами все же были, но они были стеклянными! В открытых комнатах виднелись кусты и деревья, возвышалась даже сосна, на ветке которой раскачивались качели. А в самой большой комнате, освещенной фонариками ярче других, мерцал пруд с водопадом.

Глаша пустила пони на снижение. Чушка послушно накренился и тихо проскользнул в самую темную часть острова, где была роща фруктовых деревьев. Кира первым слез с пони, заметив, что под ногами мягкий ковер из опавшей пожухшей листвы. Сквозь голые ветви сада гулял ветер и раскачивал погасшие гирлянды фонариков.

Кира в замешательстве стоял на месте и озирался. В голо-

ве у него ураганом неслись вопросы к Глаше, но потрясенный увиденным мальчик молчал.

Глаша тем временем скинула с себя рюкзак, достала из него морковку и яблоки и принялась угощать ими Чушку.

– Давно ты не ел морковку, да? – приговаривала Глаша, глядя и похлопывая пони по шее. Чушка только причмокивал и тыкался за угощением мокрыми губами в ладонь Глаши.

– Кушай, кушай, мой верный понь, – Глаша щедро скармливала ему яблоки и морковку. – Скоро и на нашем огороде вырастет морковка. Скоро и наши яблони зацветут.

– Так это и есть твоя квартира, – наконец, произнес Кира, и вопросы посыпались из него градом:

– Почему остров летает? Откуда взялось море на чердаке? Почему пони летает? Люди, которых мы видели сверху, кто они? Тебе не кажется, что это очень, очень, очень странно?!

– Нет, – улыбнулась Глаша, – мне кажутся странными каменные дома и улицы без единой травинки, а еще взрослые, которым хочется тебя съесть, поймать или отмыть и накормить, и от которых нужно убегать изо всех сил. Лучше скажи, сколько времени?

– Перевалило за половину пятого, – нетерпеливо выпалил Кира, заглянув в телефон, и заметил, что сеть здесь не ловит. – Где мы? Ты ответишь?!

– Мы в Лисофанже, – ответила Глаша, вываливая из рюкзака остатки морковки и яблок под нос Чушки. Затем Глаша

выждала паузу, вешая рюкзак на ветку яблони и не без гордости произнесла:

– И я здесь главарь.

На этот раз Кира не засмеялся, но скорчил недоверчивую гримасу.

– А люди, захватившие мою летающую квартиру во главе с самозванцем, жители Лисофанже, – продолжала Глаша и ухмыльнулась. – Они думают, что из-за меня исчезло солнце.

Глаша от злости стиснула кулаки и решительно заявила:

– Сейчас я верну глупым людям их глупое солнце! И пусть убираются из моей квартиры в Софлигор. За мной, Кира Колбасников! Будешь свидетелем исторических событий.

– Похоже у меня нет выбора... – пробормотал Кира себе под нос, пробираясь сквозь колючие ветви сада за Глашей.

Чем дальше они проходили, тем тише шла Глаша и подавала знаки Кире, чтоб тот не шуршал листьями. Рядом со стеной Глаша остановилась и наощупь в темноте раздвинула побелевшую засохшую осоку. Кира разглядел зияющую дыру и поежился. Глаша с гордостью указала в нее и сообщила:

– Мой секретный подземный ход! Я его сама вырыла, чтобы гостей разыгрывать. Здорово придумала!

И Глаша, довольно улыбаясь, нетерпеливо юркнула в нору. Кира не разделял ее воодушевления, ему по-прежнему было не по себе в незнакомом странном месте. Но нежелание оставаться одному и любопытство заставили полезть следом.

Передвигаться по узкому темному тоннелю приходилось

на четвереньках по влажной от просочившегося дождя земле. Кира с досадой подумал о школьных брюках и пиджаке. Глаша же энергично ползла вперед, только и мелькали белые подошвы ее кроссовок.

Впереди показался просвет, и ребята смогли встать в полный рост. Перед ними серебристой стеной переливался и журчал водопад. Кира догадался, что они оказались в большой комнате с прудом. Наверх вела деревянная лестенка.

Перед тем как вылезти наружу, Глаша еще раз уточнила у Киры время. Было без семи минут пять.

– Без одной минуты пять подай мне какой-нибудь знак, – попросила возбужденная от радостного волнения Глаша.

– Могу рыгнуть, – не без гордости предложил Кира и незамедлительно рыгнул. – Я умею рыгать, когда захочу. А ты так умеешь?

– Ух ты! Я так не умею, – восхитилась Глаша. – Рыгни без одной минуты пять.

И Глаша, взобравшись по лестенке, подняла над собой люк, выскочила из подземелья и забила молотком в медную сковородку, висевшую на дереве. Кира вылез следом и увидел, как сбегались в комнату взволнованные лисофанжеанцы.

Глаша дубасила изо всех сил молотком по раскачивающейся сковородке. Люди внизу озадаченно переглядывались, размахивали руками, умоляя Глашу остановиться. Но девчонка не унималась, пока из толпы не выскочил высокий человек с копной рыжих волос в сиреновом пиджаке и бе-

лой рубашке с кружевным воротом. Рассерженный, с покосившимся от гнева лицом, он остановился впереди всех на берегу озера.

Глаша довольно расплылась в улыбке, и оглушительный грохот медленно уходил из дрожащей и гудящей сковороды.

– Откуда ты взялась, Глаша? – взвинчено спросил рыжий, – Тебя просили больше не появляться в Лисофанже.

Глаша дождалась тишины в толпе.

– Я знаю, что вы вините меня в исчезновении солнца, – начала Глаша самодовольно. – Самозванец, – Глаша бросила безразличный взгляд на рыжего, – вбил в ваши головы, что беззаботно жить вредно. Вредно громко смеяться. Вредно делать то, что вздумается! И поэтому солнце покинуло Лисофанже. Самозванец Аркадио вынудил вас трудиться на скучных работах и учиться бесполезным вещам, чтобы якобы вернуть солнце. Аркадио Террибле врал!

В толпе зашептались. Рыжий человек презрительно хмыкнул и покачал головой. Кира, стоявший чуть позади Глаши, рыгнул.

– Я разоблачила обманщика. Я знаю, как вернуть солнце. И знайте, что солнце вернется в Лисофанже вне зависимости от того, будете вы трудиться или нет, будете вы учиться или нет, – Глаша подняла руку вверх, указывая на небо. – Сейчас тучи рассеются, на небе появится солнце, и Аркадио Террибле уберется прочь из моего Лисофанже!

Кира вместе с лисофанжеанцами в недоумении поднял

глаза к темно-серому небу.

Внезапно сильный порыв ветра обрушился на остров. Земля под ногами покачнулась. В толпе раздались взволнованные крики. Кира от испуга ухватился за ствол дерева с раскачивающейся сковородкой. Ветер громыхал в ушах, лицо колело от летевшего песка и соленых брызг, сковородка больно била Киру по спине.

Ветер смолк так же внезапно, как и поднялся. И в то же мгновение из расколовшегося неба ударили о землю пронзительные лучи ослепительно яркого солнца.

Толпа ахнула, люди прикрывали глаза руками, жмурились и приветствовали долгожданное солнце и синее небо.

– Ура! – то и дело раздавалось в толпе. Одни плакали, другие смеялись, третьи обнимались, четвертые прыгали, пятые целовались, шестые танцевали. Глаша, улыбаясь во весь рот, смотрела на лисофанжеанцев. Один Аркадио мрачно и неподвижно стоял на берегу и пристально смотрел на Глашу. Глаша заметила его взгляд и вновь ударила в сковородку.

– Аркадио Террибле, убирайся из Лисофанже, – приказала Глаша. – Немедленно.

Аркадио вскинул рыжие брови, в глазах промелькнул огонек.

– Прежде чем я уйду, я хочу обратиться к лисофанжеанцам, – объявил Аркадио и, не дожидаясь позволения Глаши, повернулся к толпе. Люди, греющиеся в лучах горячего солнца, нехотя обратили внимание на Аркадио, когда тот

поднял руку.

– Друзья, когда над Лисофанже светило солнце, фрукты и овощи росли сами собой, пшеница колосилась на полях, тогда вы могли беззаботно лежать на берегу, кататься на островах, петь песни и громко смеяться, – Аркадио слегка покосился на Глашу и продолжал ровным мягким голосом. – Но я хочу, чтобы вы вспомнили те дни, когда исчезло солнце, когда стали погибать растения, гнить запасы муки, идти бесконечные дожди, ваши дома начали разрушаться от влаги, их продувал холодный ветер, дети и взрослые начали болеть, а над больницей не было даже крыши, потому что вы строили летающую квартиру для одной единственной избалованной особы.

Вспомните, кто помог вам в тяжелые времена. Да, я выгнал мерзкую девчонку, лишь для того, чтобы вы могли поселиться в единственном достроенном месте во всем Лисофанже!

Вспомните, как мы бросили последние силы на спасение огородов. Было уже не до фруктовых садов, – горестно вздохнул Аркадио, – Смогли сделать освещение, чтобы не потерять растения и не умереть с голода. Вспомните, как в темноте слонялись и скучали ваши дети, пока мы не оборудовали школу, и в их глазах снова не появился блеск, – здесь Аркадио даже обернулся к Глаше, – потому что не для всех счастье быть невежей.

Вспомните, как было тяжело! И я требовал от вас макси-

мальных усилий, максимальной собранности. Да, я говорил, что солнце вернется только в том случае, если вы будете трудиться, не покладая сил. И вы справились! Отстроили под проливными дождями больницу, получили урожай овощей, дети научились читать и писать.

И что теперь? Вернулось солнце, вернулся ваш вожак, знающий толк лишь в безудержном веселье, и снова будете лежать на песке и распевать песни? А меня, помогавшего вам в трудный час, прогоните? Это ваша благодарность? – вопрошал Аркадио, распаляясь все громче и громче, видя, как стихли люди. – Прогоните сейчас, когда вернулось солнце, и в ваших силах отстроить Софлигор, отремонтировать разрушенные дома, построить новые, засеять поля пшеницей? Что, если солнце снова исчезнет из вашей страны? Кто поможет вам? Одумайтесь! Не слушайте глупую девчонку!

Глашу уже давно распирало негодование, но на словах «глупая девчонка» она взорвалась от злости:

– Лисофанжеанцы, вы готовы плясать под дудку рыжего зануды? Он же запугивает вас! Я обещаю вам, что солнце больше не исчезнет из Лисофанже. И мы заживем как раньше. Ну же! Прогоним самозванца! – Глаша задыхалась от гнева, но видела, что люди в растерянности качают головами и опускают глаза.

– Здрава, – обратилась Глаша к светловолосой девушке, стоявшей в первом ряду, – ты же любишь петь под гитару у костра и жить в палатке на берегу. Зачем тебе-то строить

дома?

Девушка потупила взгляд и вздохнула.

– Глаша, милая, жить в палатке, бесспорно, здорово, – сказала Здрава, – но Аркадио прав. Дома тоже нужны, и их нужно проектировать, строить. Для этого надо столько всего знать, ты даже не представляешь! Мы с ребятами во время темноты нарисовали уйму проектов. Я бы тебе показала...

– Не надо, – холодно отрезала Глаша и обвела взглядом толпу. – Ну а ты, Венька, с удовольствием ходишь в школу?

Растрепанный бледный и худой мальчишка угрюмо кивнул.

Глаша замолчала, глядя на растерянных лисофанжанцев. Только группа веселых молодых людей, пританцовывающих на месте, радостно глядела на Глашу и припеваючи хором скандировала: «Глаша! Глаша! Глаша!». «Дураки какие-то» – подумал про них Кира: «Где же я их видел?».

– Глаша, – вперед вышел толстячок в зеленом костюме с блестящей на солнце лысиной и доброй улыбкой, – предлагаю компромисс. Не будем прогонять Аркадио из Лисофанже. Вы вместе с Аркадио объедините ваши усилия, и я уверен, найдете разумное решение, как править страной.

– Не бывать этому никогда! – процедила сквозь зубы Глаша, задыхаясь от ненависти и злости. – Предатели! Я уйду.

Глаша хотела было скрыться в подземном ходе, но передумала. Никогда предатели не узнают о ее тайном ходе! Глаша развернулась и резким шагом начала спускаться с насы-

пи. Кира заметил, как ехидно ухмылялся Аркадио, и поспешил вслед за девочкой.

И вдруг случилось немыслимое. Налетел ветер, откуда ни возьмись набежали черные тучи, в мгновение ока заволокли собой небо и наступила мгла. Лишь мигали яркие разноцветные фонарики, качавшиеся на ветру.

Глаша, удивленная не меньше других, вбежала обратно на пригорок и закричала, что есть мочи:

– Так вам и надо, глупые люди! Получили, что заслужили! Теперь навеки вечные останетесь в темноте! С вашим дурацким Аркадио!

Поменявшийся в лице Аркадио отдал стальным голосом приказ стоявшим рядом с ним людям:

– Хватайте девчонку. Она знает, как вернуть солнце.

Два могучих парня в два прыжка перемахнули через пруд по торчавшим из него валунам и бросились забираться на пригорок. Глаша опомнилась, схватила Киру за руку и потащила за собой.

Ребята съехали с пригорка и перебрались по узкой доске, перекинутой на другой берег. Но бежать дальше было некуда – с обеих сторон пруда их окружали лисофанжеанцы. Впереди был только обрыв в океан.

– Глаша, одумайся, – просил толстячок, – Верни людям солнце. В чем мы провинились перед тобой?

Глаша и Кира стояли на самом краю летающей квартиры, упираясь в невысокие перила. У Киры колотилось сердце.

– Не нужно с ней сюсюкать, Крыжовников, – сказал подошедший с другой стороны Аркадио Террибле и сухо произнес:

– Глаша, ты немедленно расскажешь, как вернуть солнце. Кира толкнул Глашу в плечо и с надеждой прошептал ей на ухо:

– Сознаешься?

– Ни за что, – сквозь зубы ответила Глаша и громко добавила, обращаясь ко всем окружающим их лисофанжеанцам. – Вы никогда больше не увидите солнце! Ты со мной, Кира?

И Глаша вскочила на перила. Кира последовал следом. Он уже сотню раз пожалел, что согласился пойти в гости, но теперь, стоя на перилах и глядя в темноту, откуда доносился лишь грохот волн, Кира жалел о своем решении в сотню раз сильнее.

– Стойте, не прыгайте! – закричали бежавшие к ним лисофанжеанцы во главе с Крыжовниковым.

– Не прыгай, они тебя не тронут, – чуть дрогнувшим голосом прошептала Глаша, глянув вниз. Но Кира, задыхаясь от страха, ухватил горячую ладонь девочки:

– Я с тобой!

– На счет «три».

Кира стиснул зубы и задержал дыхание.

– Три!

Глава 6. Как Кира и Глаша гребут к берегу

Прыжок. От полета перехватило дыхание.

Сильный удар о волны – с головой под воду. Вынырнули, захлебываясь горькой соленой водой.

Над ними нависало гигантское днище Летающей квартиры, а вокруг – волны, волны, волны и тьма.

Кира в панике забарабанил по воде руками, отчего его бросало и засасывало под накатывающие волны. Тяжелый рюкзак тянул под воду.

Глаша мгновенно подплыла ближе, подхватила Киру под подбородок и заставила вытянуть тело горизонтально. Кире, наконец, удалось распрямить ноги и вдохнуть.

– Отдышись, – посоветовала ему Глаша, расстегивая рюкзак и вываливая в океан учебники, тетради и ручки. – С грузом придется попрощаться. Не возражаешь?

Кира одобритительно закивал головой. Он не мог надышаться, горло саднило от соли, а Глаша продолжала:

– Вода хорошая, освежает, не правда ли? Представь, что ты в ванне. Ты плавать-то умеешь?

– Нет, – выдавил из себя Кира. Лето он проводил в городе, где купаться ему не приходилось.

– Зачем же ты прыгнул!? – в сердцах воскликнула Глаша.

– Думал сразу плавать научусь, – отшутился Кира сдавленным голосом. Глаша промолчала, удерживая Киру на поверхности, и задумалась.

Из Летающей квартиры, отдаляющейся от ребят дальше и дальше, вылетели три пони. Всадники держали в руках фонарики. Они были похожи на три маленькие звездочки, кружившие над волнами. В какой-то момент Глаше захотелось окликнуть всадников, но обида, кипевшая в девочке, заставила ее передумать.

Глаша вдруг вспомнила, как давно не видела звездное небо – россыпь мерцающих огоньков на ночном небе, когда она засыпала в своей постели в комнате под стеклянной крышей. Неужели она больше никогда не вернется в Летающую квартиру! Потом она вдруг вспомнила про Чушку, оставшегося в саду. «Я пообещала ему, что расцветут яблони», – с грустью подумала Глаша: «Я обязательно вернусь за тобой, Чушка. Если выберемся отсюда...». И мысли перескочили на Киру: «Напросился в гости! Небось сто раз пожалел. Еще и прыгнул за мной...».

Глаша не хотела себе признаваться, как она благодарна Кире за то, что он прыгнул в черную бездну вместе с ней. Она начала догадываться, что ее поступок был опрометчивым. Вода смыла злость, и теперь посреди океана надеяться приходилось на удачу. Летающая квартира и три огонька едва мерцали вдали и растворялись в темноте.

– И какой у тебя план? – наконец, спросил Кира.

– Для начала научить тебя плавать, – бодро ответила Глаша, чтобы не напугать Киру раньше времени. Тонуть Глаша не планировала и надеялась на встречу с маленькими островками, встречающимися довольно часто в этой части океана. Но как долго придется ждать островка и дрейфовать на волнах, Глаша не знала.

– На спине плавать удобнее. И поговорить можно, – сказала Глаша, помогая Кире поймать равновесие. – Так я тебя отпускаю? Дальше сам?

– Да, – Кира почувствовал, как Глаша осторожно отпустила его, и, словно живые, темные воды подхватили и удержали мальчика на поверхности. Притихшие волны мерно покачивали ребят.

– Ты точно знаешь, где берег? Без звезд на небе ориентируешься? – уточнил Кира.

– Да, я с закрытыми глазами ориентируюсь! Даже не переживай, я это болото знаю. Нам туда, – уверенно заявила Глаша, кивнув в кромешную тьму, и вальяжно погребла по волнам. Кира, приноровившись удерживать равновесие на спине, осторожно и неуверенно погреб вслед за ней

– А где Летающая квартира? – спохватился Кира, и Глаша принялась увлеченно рассказывать про легкий дрейф островов Лисофанже, который замечательно убаюкивает по ночам.

За разговором время шло незаметно, но усталость и пробирающий насквозь холод заставили Киру опомниться:

– Ты говорила, что до берега метров сто! Мы уже час греем. Если острова перемещаются, как до них вообще можно добраться!

– И вовсе не час. Острова перемещаются и кружат на одном месте, как резиновые уточки в тазу, но не расплываются далеко. Даже за тучу не могут выбраться. Они то взлетают, то садятся на воду. Летающей квартирой, Софлигором и другими заселенными островами можно немного управлять. А есть почти неподвижные острова, они еще слишком малы, чтобы летать и цепляются за дно. Но когда вырастут, оторвутся и взмоют в воздух. А есть острова старые, они уже утонули и только их верхушки торчат над водой. До ближайших таких минут пятнадцать не больше. У меня врожденное чувство времени. А вот измерение расстояния на глаз у меня хромает. Может, до суши метров не сто, а двести или триста. Берег уже вон там. Ты что, не видишь?

Кира вгляделся в темноту, но ближе, чем на два метра, была непроглядная мгла:

– Не вижу!

– Это потому что мы тащимся как бревна плавучие, – и Глаша перевернулась на живот, поднырнула под волну и проплыла вокруг Киры. – Если б ты брасом умел плыть, мы бы быстрее добрались. Давай научу!

Но Кира настолько выдохся и устал, что ни о каком брасе даже думать не хотел, лишь бы нащупать под ногами твердую землю. Киру с новой силой охватило беспокойство, от

чего его движения разладились, и мальчик остановился, не в силах больше грести.

– Глаша! – крикнул, он, перекрикивая усилившийся шум волн.

Глаша обернулась. Лицо у нее было взволнованным и уставшим, хотя девочка тут же попыталась улыбнуться:

– Ну что, подрейфую. Я тебе рассказывала, как однажды...

– Глаша! – перебил ее Кира срывающимся голосом. – Нет никакого берега!

– Конечно, есть, – Глаша хотела сказать бодро и уверенно, но голос ее подвел. – Кира, еще чуть-чуть...

Но Кира уже не слышал. Кира ясно осознал, что они посреди огромного океана в полнейшей темноте, и дикий ужас сковал его. Руки машинально хватались за воду, а ноги камнем пошли ко дну, утягивая под воду.

– Кира! – уже под водой он услышал далекий и гулкий крик Глаши, которая бросилась к нему на помощь. Воздух закончился, и Кира хлебнул воды, которая хлынула в горло и душила его.

И вдруг ноги коснулись дна.

С неведомо откуда взявшейся силой Кира оттолкнулся от спасительной твердой поверхности и стремглав вынырнул, столкнувшись лбом с Глашей.

– Дно! Там дно! – заорал Кира, выпустив струю воды и отплевываясь.

– Ура! – заорала в ответ Глаша. – Слышишь – шум прибоя. Волны бьются о берег.

Ребята с новыми силами погребли вперед, ныряя и проверяя повышение дна. Вскоре они могли идти по скользкому илистому дну, увязая в нем и тяжело переступая, спотыкаясь о крупные валуны, обросшие скользкой тиной и мидиями. Волны хлестали в спину и подгоняли. Наконец, ребята распластались в пене прибоя, задыхаясь от смеха и не в силах сделать больше ни шага.

От свежего ночного бриза колотило от холода. Сил подняться у Киры не было. Мальчик лежал плашмя в вязком иле, который по сравнению с воздухом казался горячим.

Глаша уже стояла на ногах. С нее ручьями стекала вода.
– Колбасников, вставай. Надо осмотреться.

В серых сумерках можно было разглядеть пустынный силуэт острова. Глаша вскарабкалась на обросшие мхом и лишайниками валуны. Остров оказался крошечным в тридцать шагов по диаметру, поросшим карликовыми деревьями и ягодными кустарниками с посережшими листьями. Глаша разглядела несколько безвкусных засохших ягод морошки, затем присела возле углубления в валуне, где скопилась дождевая вода и брызги прибоя. Девочка зачерпнула ладошкой воду, попробовала на вкус и крикнула:

– Кира, смотри, что я нашла!

Кира с трудом поднялся, ощутив тяжесть в руках и ногах, и медленно вскарабкался следом. Глаша сидела возле

небольшой лужи в углублении скалы и пила с ладошки воду:

– Чуть солоноватая, но пить можно.

Кира опустил на живот, прильнул губами к луже и пил, пил, пил, избавляясь от горечи соленой воды, царившей у него во рту.

Глаша тем временем энергично ползала по камням и что-то от них отковыривала.

– Я придумала, как высушить одежду, – заявила Глаша и, подскочив к Кире, стала запихивать ему за шиворот что-то мягкое и шероховатое.

– Что это? – не в силах сопротивляться, поинтересовался Кира.

– Лишайники. Мы запихнем их под одежду. Смотри, они сухие, – Глаша положила Кире в ладонь несколько кустиков, которые показались Кире даже теплыми. – Одежда отлипнет от тела и быстрее высохнет от нашего тепла и от ветра. Здорово придумала!

Кире колотило от холода, мокрая одежда противно липла к телу.

– Включи солнце хоть на полчаса, чтоб просохнуть, – попросил он дрожащим голосом.

– Если б я могла, – хмыкнула Глаша синими губами. От холода у нее стучали зубы.

– Но ты же могла!

– Колбасников, ты не догадался? Я знала только время, когда появится солнце. И не знала, что оно скроется! – вос-

кликнула Глаша, и вновь обида заговорила в девочке. – Хорошо, что солнце исчезло. Лучше и придумать было нельзя. Так им и надо...

Колбасников разочарованно махнул рукой и снял с себя мокрый испачканный в иле и водорослях пиджак:

– Если хочешь скорее высохнуть, одежду надо хорошенько отжать.

Оказалось, Кира отлично умеет полоскать и выжимать одежду. Ребята скручивали с двух сторон каждую вещь, причем каждый тянул ее на себя и крутил в противоположном другому направлении, пока из ткани не выжималась последняя капля. Затем Кира тщательно стряхивал вещь, расправляя ее. Когда из кармана его брюк выпал безжизненный телефон, Глаша вздохнула:

– Прости. Дома волнуются?

– Вряд ли, – безразлично ответил Кира и продолжил отжимать и стряхивать.

За этим занятием они немного согрелись, но стоять в одних трусах на ветру было по-прежнему холодно. И ребята скорее нацепили на себя влажные вещи и принялись ползать по острову, набивая себя лишайниками.

От лишайников и вправду потеплело, одежда не липла к телу и, казалось, стала просыхать. Хотя зубы, как и прежде, стучали без остановки.

Увидев друг друга набитыми лишайниками, Кира и Глаша не удержались от смеха. Они тыкали друг в друга пальцем

и хохотали во все горло. Можно было валиться на мягкий и колкий ковер из мхов и лишайников, толкаться и кататься кубарем, покатываясь со смеху от щекотки. Лишайники под одеждой от каждого движения щекотали до слез.

Надурачившись вдоволь и согревшись, ребята растянулись на земле. В животах у них попеременно урчало. Глаша с сожалением вспоминала оставшийся в Летающей квартире рюкзак с котлетами.

– А дальше что? – нарушил тишину Кира. – О том, что у тебя нет плана, я уже догадался.

– Почему нет? – хмыкнула в ответ Глаша. – В перспективе я планирую вернуть тебя домой, а сама поселюсь на чердаке с бродягами и Чушкой. Будем летать ночами над городом с бесконечными крышами и встречать рассвет, а вы с Полиной будете приносить нам яблоки и морковку. Мы вас за это покатаем над городом! – размечталась Глаша и со вздохом добавила:

– А как это осуществить, Колбасников, надо думать. Надо думать...

Они замолчали и задумались. Кира подумал о том, как Глаша мало знает о жизни на чердаке, а Глаша подумала о том, что рано или поздно мимо должен проплыть или пролететь подходящий для путешествий остров. Но мысли обоих в конце концов сошлись на еде.

Глаша поднялась с земли и сказала:

– Кира Колбасников, приглашаю тебя в местный ресторан

«Мидиева Банка». Режим работы – открыто во время отливов, закрыто во время приливов. Нам с тобой повезло – начался отлив.

Кира, задремавший в лишайниках, тяжело поднялся на ноги и недоверчиво поплелся следом за Глашей, бубня себе под нос: «Что еще за банку ты выдумала...».

Кира и Глаша снова спустились на берег. Вода сильно отступила, обнажив большие, обросшие водорослями валуны, о которые ребята спотыкались, выбираясь на сушу. Низы валунов были усеяны мидиями. Глаша отковыряла несколько штук, ловко вскрыла раковину перочинным ножом и высала моллюска.

Кира поморщился.

– Закрой глаза, заткни нос и глотай, – посоветовала Глаша и протянула Кире вскрытую раковину. – Угощайся!

Кира взял в руки мидию и с отвращением разглядывал шевелящуюся слизь.

Глаша высасывала мидии одну за другой:

– Безвкусные, но хоть что-то съедобное. Когда меня выгнали из Лисофанже, Аркадио приказал посадить меня на похожий остров. В наказание... – Глаша нахмурилась и продолжала:

– Я неделю питалась моллюсками, пока Чушка с посылкой от Доктора не нашел меня. Доктор прислал мне палатку, котелок, удочку, спички и сухари. Доктор, единственный в Лисофанже, помог мне.

Кира зажмурился и быстро проглотил моллюска. Безвкусный комок слизи быстро проскочил в горло.

– Пожуй, – Глаша подала Кире обрывок длинной водоросли бурого цвета, которую девочка тут же подобрала под камнем. – Обычно такие водоросли долго варят, но и так пожевать годится.

Кира разжевал горькую соленую водоросль, отдававшую йодом и гнилью, и немедленно выплюнул.

– А как ты узнала, что солнце появится ровно в пять? – вдруг спросил Кира.

Глаша хитро улыбнулась.

– Доверить тебе тайну Лисофанже? – Глаша смерила Киру взглядом, продолжая хитро улыбаться. Затем дружески ткнула Киру в плечо и сказала:

– Хорошо, слушай! Всё дело в Полине...

Глава 7. Пластилиновый мир Полины

Полина сидела одна в комнате и смотрела на часы. На часах была половина пятого. Полина, не отрываясь, следила за минутной стрелкой. Стрелка прыгала мелкими шажками, Полина шмыгала носом и тихо всхлипывала. Мамины слова, сказанные, когда Полина неподвижно стояла перед ней в коридоре, до сих пор звучали у нее в ушах.

«Ты знаешь, как сильно я люблю тебя, Полина», – сказала мама с надрывом в голосе. В руках мама сжимала пакет из аптеки. Полина кивала, она знала, как мама сильно ее любит. Полина тоже сильно любила маму.

«И вместо школы пошла гулять по городу одна...» – теперь мама говорила тихим ровным голосом, от которого Полине делалось невыносимо. Только шуршание пакета в руках мамы и ее голос: «И заявила мне об этом прямо в лицо. Я не ожидала от тебя такой жестокости, – мама горько вздохнула. – Ты знала, как я буду волноваться. Как сильно я буду волноваться, – опять глубокий вздох, – и ты все равно ушла, зная, как мне будет тяжело. Зная, как мне может сделаться плохо. Зная, как сильно я буду переживать. Зная, что ты можешь сломать меня своим поступком, как когда-то твой папа. Ты же прекрасно помнишь, хоть тебе и было пять лет, как

папа ушел, как мы его ждали. Как ты плакала, как я плакала, как мы плакали долго-долго. И он не вернулся. И больше не вернется никогда. И с тех пор мы были всегда вместе. Я не ходила на работу, я не покидала тебя ни на минуту, чтобы тебе не было страшно одной. И теперь ты сама, помня то чувство бессилия и безнадежности, убегаешь от меня. Ты очень жестокая девочка, Полина. Очень, очень, очень жестокая девочка...» – повторяла мама и голос ее дрожал.

Сердце Полины разрывалось от жалости, слезы текли по щекам, а мама говорила и говорила, долго, монотонно, как минутная стрелка, бесконечно бегающая по кругу. И каждое слово впивалось в Полину, как заноза. Несмотря на то, что это не она, а Глаша сказала маме в лицо, что ни в какую школу она не ходила, Полина чувствовала виноватой себя и ненавидела себя.

Полина ненавидела себя за то, как сильно мама переживает и волнуется за нее, также сильно, как она переживала за папу. Но больше всего Полина ненавидела себя за то, что ей на самом деле хотелось прогулять школу и гулять по городу. Полина вспомнила, как она бежала по улице за Кирой, одна по улице, бежала со всех ног, как ветер растрепал ее косичку, как светило в лицо солнце, как было весело! Как она смеялась от безудержной нахлынувшей радости! И как от Полининой радости тяжело маме.

Пока девочка размышляла, минутная стрелка пробежала по кругу двадцать семь раз. Заметив, что часовая уже при-

близилась к пяти часам, Полина спохватилась, еще раз пробежала глазами записку от Глаши и полезла под кровать.

Ровно в пять вечера взволнованная Полина достала из-под кровати запыленный пластилиновый город, дощечку поменьше с аккуратно вылепленной квартирой, больницу и еще несколько не полностью облепленных пластилином островов и расставила свой пластилиновый мир на залитом осеннем солнцем письменном столе. А учебник и тетрадь по французскому пришлось скинуть на пол, чтобы всё уместилось.

Девочка склонилась над пластилиновыми домами, которые целое лето провели под кроватью. Как запылится город, сколько предстояло работы! С неопишуемым удовольствием Полина принялась расчищать пальцем улицы, поправлять покосившиеся стены домов.

Раньше Полина часами просиживала в пластилиновом мире. Все эти дощечки, на которых теперь размещались острова, были сделаны вместе с папой. Сначала он выпиливал их из фанеры острова по контурам, которые намечала Полина, зачищал края наждачкой. Синими красками рисовали море и налепливали массив острова из разноцветных остатков пластилина. Сверху покрывали тонким слоем желтого и зеленого, и получалась песчаная береговая линия и луга, покрывавшие острова. Строили фундаменты, на которых вырастали двух-трехэтажные дома. Папа лепил дома, а Полина лепила человечков и обустривала им квартирки.

Теперь, когда в городе дома покосились, а некоторые и вообще развалились после переезда, Полина засомневалась, сможет ли она починить их или слепить заново, но настроена она была решительно.

Не лепить Полина не могла. Только за погружением в пластилиновый мир она чувствовала полноту жизни, которой не хватало, чувствовала радость, свободу, а порой ее настолько захватывали события, что Полина теряла грань между реальностью и выдумкой. Девочке казалось, во время лепки папа рядом с ней, как раньше.

Мама считала иначе и злилась.

Полине вспомнился день, когда мама запретила ей лепить. Мама несколько раз заходила в комнату и просила ее одеваться на прогулку. Полина не слушалась. Когда мама в очередной раз зашла в комнату, Полина впервые закричала:

– Я не пойду гулять! Я больше никогда не выйду на улицу! Я не хочу смотреть, как другие дети бегают на площадке, как катаются на велосипеде, как заходят босыми ногами в пруд. А мне ничего нельзя! Я должна ходить рядом с тобой, лишь бы ты не нервничала. Я не хочу! – кричала Полина со слезами.

В ответ мама заговорила страшным спокойным голосом о том, как Полина жестока, как Полина избалована, как Полина неблагодарна. Мама сутками убивается, работая на дому, и одновременно держит Полину на домашнем обучении, платит репетиторам, чтобы подтянуть французский. Мама

говорила и говорила, а Полина, шмыгая носом и утирая капающие слезы, лепила из мелких разноцветных кусочков пластилина человечка в сиреновом жакете с рыжей копной волос...

Затем город и другие дощечки вместе с только что слепленным человечком были убраны в самый дальний, в самый темный угол под кроватью.

Как же Полина соскучилась за три месяца по лепке! Затвердевший пластилин согревался, оживал в ее руках. Полина с воодушевлением взялась за работу.

И тут в комнату вошла мама. Полина замерла.

– Куда исчезли продукты из кухни? – спросила мама. Ее голова была обмотана платком. Значит, у нее началась мигрень, догадалась Полина и съежилась от страха, тщетно закрывая собой пластилин. Мама пристально смотрела на стол и на сброшенный на пол учебник французского.

– Я вижу, Полина, что ты винишь меня. Я для тебя монстр, который запрещает тебе жить так, как ты хочешь. Я для тебя обуза, – мама говорила тихо. Полине хотелось уменьшиться до размеров пластилиновых людей и исчезнуть навсегда, лишь бы не быть причиной маминых страданий.

Полина глотала слезы и сжимала зубы, потом она не выдержала, разрыдалась, бросилась к маме, пытаясь ее обнять, просила прощение, но мама холодно отстранила ее и вышла из комнаты.

Захлебываясь от слез, Полина убирала обратно под кро-

вать пластилиновый город, квартиру, больницу и не долепленные дощечки.

Глава 8. В гостях у Доктора Бо

За уплетанием мидий Кира внимательно слушал рассказ Глаши про пластилиновые острова под кроватью Полины.

– Ты хочешь сказать, что Лисофанже создала Полина, – подытожил Кира.

– Похоже на то, – кивнула Глаша.

– Ну даёт! – восхитился Кира.

– Слышишь? – вдруг встрепенулась Глаша.

– Нет.

Глаша, сложив перочинный ножик, быстро взобралась на высокий берег острова, пригибаясь к земле. Кира последовал следом.

Зрелище, открывшееся им, было необычным – остров в несколько раз шире их островка, тускло освещенный лампами, медленно проходил мимо на расстоянии десятка метров.

– Повезло так повезло! – обрадовалась Глаша. – Больница Доктора Бо!

Глаша подала знак Кире, чтобы тот подполз ближе, и зашептала:

– Если доберемся до больницы, считай, мы спасены. Но нельзя, чтобы нас заметил кто-нибудь, кроме Доктора.

Кира понимающе кивнул. Плыть в одежде, да еще набитой лишайником, было трудно, поэтому ребята оставили одежду на острове. Кира взял только верный оранжевый рюкзак.

Его нацепила на себя Глаша, положив внутрь перочинный ножик.

Вода в океане показалась холоднее, чем в прошлый раз. Кира плыл на спине, Глаша чуть впереди брасом, постоянно оглядываясь и направляя Киру в нужном направлении. Бесшумно забравшись на плавучий остров, ребята, согнувшись в три погибели, босиком по скользкой от прибоя земле пробирались под окнами больницы. Наконец, Глаша подала знак остановиться и тихонько заглянула в окно.

Доктор в своем кабинете дремал в кресле качалке, укрывшись клетчатым пледом, когда его окно растворилось, и в него влезли два дрожащий от холода мокрых лягушонка с оранжевым мешком и черными ногами. Доктор спросонья потер глаза.

– Кто вы? Что вы? – начал было испуганно Доктор, но наконец узнал Глашу, покачал головой и только и сказал:

– Глаша...

Доктор Бо, не вдаваясь в расспросы, отправил ребят в душ, раздобыл полотенца, больничные пижамы и теплые носки.

Под горячим душем у Киры наконец-то перестали стучать зубы, стучала только Глаша пяткой в дверь, нетерпеливо ожидая очереди. Затем одетые в пижамы, ребята сидели у печки и молча набивали рты кашей, оставшейся от больничного ужина, и пили заваренный Доктором чай с чабрецом.

Разморенный от каши и от теплой печки, Кира почувство-

вал, что начинает проваливаться в сон. Мальчик посмотрел слипающимися глазами на Доктора, задумчиво раскачивающегося перед ними в кресле-качалке. Это был лысый бледный человек с добрыми глазами под бесцветными бровями.

Глаша, размахивая руками от негодования, рассказывала Доктору Бо, как ее обидели лисофанжеанцы, как унизили, растоптали ее достоинство, и как сильно она ненавидит Аркадио Террибле. Доктор внимательно слушал, кивал и только время от времени мирно приговаривал: «Тише, Глаша, тише. Могут услышать. Аркадио объявил погоню за тобой».

Оживленные возгласы Глаши и спокойный голос Доктора убаюкивали Киру.

– Ненавижу! Ненавижу! – не унималась Глаша. – Меня предал народ!

– Народ, – вздохнул Доктор Бо и медленно заговорил, – сложное абстрактное понятие. Народ – все и никто. Все и никто одновременно. Довольно забавно. Я – это я. Вы – это вы. А этого мальчика – я вообще не знаю, – кивнул Бо в сторону вынырнувшего из дремоты Киры.

– Знакомьтесь – Кира, – представила друга Глаша.

– Рад знакомству, – Доктор кивнул Кире, и тот снова заснул, откинувшись на подлокотник дивана. – Так вот, я, ты и Кира – вместе мы множество, которое, при некоторых допущениях, можно назвать народом. Допустим, ты – за, я – против, а Кира – воздержался. Чьё мнение можно приписать народу?

– Доктор Бо, вы говорите чересчур витиевато, – отмахнулась Глаша. – Лисофанжеанцы сами виноваты, что остались без солнца. И я никому ничего не должна. Скажите, что правда на моей стороне!

– Правда, – начал Доктор Бо, – еще более сложное абстрактное понятие. Правда – если она причиняет боль и страдание другому, может ли она быть правдой?

– Да, перестаньте же вы меня учить! – разозлилась Глаша, расплескав чай на стол.

– Тише, Глаша, тише, – Доктор Бо, ничуть не обидевшись, бережно вытирал салфеткой стол. Глаша молча, насупившись, наблюдала, как Доктор рисовал мокрым следом салфетки знак бесконечности между расставленными чашками. Затем подлил еще чай Глаше и себе, миролюбиво добавив:

– Пожалуй, еще по чашечке.

Было пять утра, когда Глаша вылила на спящего с открытым ртом Киру холодный сладкий чай и сообщила, что Доктор Бо дает им свою лодку, провизию, чтобы они смогли добраться до острова с выходом на чердак. И надо поторопиться. Подскочивший от неожиданности Кира отплевывался и гневно возмущался, зачем надо было выливать на него чай.

– Тише, Кира, тише, – шикнула Глаша. – В больнице спят пациенты. Не разбуди.

Когда они пробирались по больничным коридорам к пристани, Глаша удивленно заметила, что палаты были переполнены, люди спали даже в коридорах. Никогда еще больни-

да не была настолько заполнена пациентами. Казалось, здесь собралась половина Лисофанже.

Глаша время от времени останавливалась, вглядываясь в спящие лица, и спрашивала Доктора:

– И этот здесь? И тот здесь?

Доктор молча кивал. Когда они прощались на пристани с Доктором Бо, Глаша спросила:

– Чем они больны?

– Кто чем, – пространно ответил Доктор.

– Но вы же их вылечите, Доктор Бо? – озабоченно спросила Глаша.

Доктор Бо улыбнулся добрыми глазами и кивнул:

– Конечно, вылечу, Глаша.

Глаша села в лодку, где уже кутался в клетчатом пледе Доктора Кира, оттолкнулась веслом от пристани и махнула Доктору на прощание:

– Спасибо за всё, Доктор Бо!

Гребли по очереди. Кира быстро принововился к веслам и греб не хуже Глаши. Правда с направлением движения выходила путаница. В утреннем тумане и вечных сумерках блуждающие острова появлялись из темноты в метрах десяти, и в них нужно было умудриться не врезаться. Пару раз ребята вылетали на мель, вылезали из лодки, толкали ее обратно.

Доктор дал им с собой компас, но по мнению Глаши толку от компаса не было. Глаша, первое время задумчиво сидевшая то на веслах, то на носу, начала раздражаться, вертя

компас в руках и швырять его о дно лодки. Наконец, Глаша вышвырнула компас за борт и вновь притихла.

Один раз из темноты вырос город. Кира как раз сидел на веслах и, засмотревшись, забыл начать отгребать в сторону. Потом спохватился и направил лодку вдоль берега, чтобы получше рассмотреть дома.

Дома покосились, где-то провалились крыши, слезла краска, треснули оконные стекла. По пустынным набережным с потухшими фонарями шелестели опавшие листья и песок, занесенный с песчаных пляжей, окаймлявших город. В глубине улиц Кира заметил, как одиноко светилась пара тусклых окошек.

«Софлигор», – догадался Кира, но уточнять не стал. Глаша сидела, понурившись, и мрачно смотрела на город. Разговор не вязался с утра. Ребята переговаривались только при смене друг друга на веслах. Даже когда они завтракали холодной вчерашней больничной кашей с сухарями, запивая горячим чаем с чабрецом из термоса, Глаша не произнесла ни слова. Кира не приставал.

После обеда, ничем не отличавшемся от завтрака, грести Глаша отказалась, обозвав битые веслами о воду бессмысленным времяпрепровождением, и предложила идти по течению на авось. Кира погреб еще немного, ему нравилось, как плавно весла входят в волну, туго проныривают, отгаликиваясь от густой соленой воды, и с легкостью, как взмах крыла, поднимаются в воздух.

Вскоре и Кира завалился на дно лодки рядом с Глашей. Понаблюдая, как над ними проплывает остров с торчащими корнями. С порывом ветра в лодку посыпались хлопья земли из днища и несколько мелких камушков. Кира поразмыслил о природе летающих островов и убаюканный мерным покачиванием волн заснул.

Когда он проснулся, Глаша отчаянно молотила веслами по воде. Кира догадался, что настроение у нее не улучшилось. Вдруг на скорости они вылетели на илистое дно, и лодка со скрежетом проехала по камням. Глаша с руганью выскочила из лодки и осмотрела борта. Лодка не повредилась, и Глаша заметно повеселела. Она даже пошла взглянуть на остров, на котором они оказались, и радостно вернулась к Кире:

– Представляешь, мы на острове, на котором я жила! Значит, остров с пещерой, откуда я попала на чердак, где-то рядом. Такие острова еще слишком малы, чтобы перемещаться быстро, – сообщила Глаша и добавила. – Жаль, что я выбросила компас. Погорячилась.

Кира ничего не ответил. Он устал от сумасбродства Глаши.

Ребята не смогли сдвинуть лодку с места, и было решено заночевать на острове в палатке и дожидаться прилива. Они привязали лодку веревкой с якорем к ближайшему огромному валуну. Затем вытащили плед и остатки продуктов и отнесли их к палатке. Глаша вспоминала, как жила здесь одна с Чушкой целых три месяца, как они летали по ближайшим

островкам и пытались вылететь за границы тучи.

– Чушка отлично ориентируется. Как-будто чувствует, где какой остров. Ему только шепни, и он долетит и к Летающей квартире, и к больнице. Я его часто посылала к Доктору Бо за сухарями и чаем. С Чушкой нам бы не пришлось таскаться по океану вслепую, – теперь Глаша говорила без умолку.

Ночной холод пробирал ребят насквозь, ведь Доктор не смог раздобыть им ничего из одежды кроме больничных пижам и пледа. Спальник в палатке отсырел. И ребята рискнули разжечь костер.

– Авось в непроглядной мгле не будет виден наш огонек, – устало улыбнулась Глаша и принесла охапку сухих сосновых веток, которые она заблаговременно наломала, лазая по деревьям, когда жила на острове.

На этом острове возвышался стройный сосняк. Кира не поверил, что Глаша может взобраться на сосну по голому стволу, и Глаша немедленно продемонстрировала свою ловкость, наломав еще веток для костра.

Костер получился слабенький и быстро прогорел, но ребята успели немного погреться. Потом они залезли в палатку, расстелили на пенке плед и укрылись спальником, прижавшись друг к другу.

Глава 9. Полине снится сон

А в то время, когда Кира и Глаша мигом заснули в палатке на твердой земле, Полина пыталась заснуть в постели у себя в комнате. В голове вертелись мысли. Почему Кира Колбасников не пришел в школу? Инна Марковна безуспешно пыталась дозвониться до его мамы. Встретятся ли они с Глашей вновь? Зачем она попросила вытащить пластилиновую страну из-под кровати? И почему они с Глашей так похожи? На эти вопросы у Полины не было ответов.

Она долго ворочалась в кровати и заснула беспокойным сном. Было уже за полночь, когда Полина окончательно проснулась, надела шерстяные носки и в пижаме залезла под письменный стол с тетрадкой и фонариком. Сначала было сложно сформулировать мысли, и девочка начала рисовать ручкой волны на обоях, как давным давно в старой квартире они с папой рисовали на двери ее комнаты синими красками волны. Полину завораживало рисование волн. Ей нравилось вести волнистую линию и вспоминать, как папа тогда сказал, что дом расселяют и поэтому можно рисовать хоть на стенах, хоть на дверях – где угодно. Вот было раздолье!

Разместившись в позе глубокой задумчивости, Полина записала в серую тетрадь:

«Дневник,

Зачем я есть?

Мне хочется, чтобы меня никогда не было.

Или если я уже есть, то ничегошеньки бы мне не хотелось и ни о чем бы я не мечтала.

Учила бы французский.

Мама бы не страдала и не плакала из-за меня.

Позавчера я познакомилась с Кирой и Глашей. Глаша похожа на меня как отражение в зеркале. Папа говорил, что, когда я родилась, он хотел назвать меня Глашей.

Сегодня я спросила маму, не знает ли она, есть ли у меня сестра-близнец. Мама даже рассмеялась и сказала, что о сестре-близнеце она бы точно знала, но ей и меня хватает.

А еще Глаша живет в квартире точь-в точь такой, какую я слепила из пластилина. Ну или почти в такой. Я не успела ее расспросить. Как это возможно?

А еще она написала мне записку и попросила вытащить мои пластилиновые города из-под кровати. Зачем?

А еще Глаша отважная и веселая.

А я... Зачем я вообще есть? ...»

Полина сменила позу и вытянула ноги в бок. Они должны были упереться в стену, изрисованную волнами, но ноги свободно вытянулись. Полина протянула вперед руку с фонариком – вместо стены под столом была пустота, и дул ветер, наполненный легкими нотками нестерпимо манящего и неизведанного. «Наверно, я заснула», – подумала Полина, слушая, как из темноты, которую не рассеивал слабый свет фонарика, доносится шум проливного дождя.

Неописуемое чувство свободы нахлынуло на Полину со свежим ветром из-под стола. Девочка нерешительно вглядывалась в дыру под столом, потом нерешительно встала на четвереньки и поползла по узкому ходу.

Наконец, она смогла встать в полный рост. Полина стояла на песке, на огромном пляже, освещенном тусклым светом фонарей, бегущих по набережной. А то, что вначале показалось ей шумом проливного дождя, оказалось шумом прибоя.

Полина всматривалась в густую бесконечную темноту перед ней. Она его не видела, но узнала сразу – перед ней шептал волнами настоящий всамделишный Океан.

«Только бы не проснуться!» – взмолилась Полина, сбрасывая с себя шерстяные носки. Холодный сыпучий песок щекотал пятки, когда она бежала навстречу ветру, донесшему до ее лица первые соленые брызги.

Добежав до смоченной водой прохладной кромки, Полина вытянула руки, и волна, как преданный пес, лизнула ее ладони. Полина, подвернув штанины пижамы, в упоении побежала по пене прибоя.

Океан притягивал Полину, заманивая пушистыми волнами, обрушивающимися и разливающимися к ее ногам.

Ей захотелось искупаться, окунуться с головой в воду, вынырнуть и кататься на волнах. Но мамины запреты неустанно звучали у Полины в голове и останавливали ее даже во сне.

«Только бы подольше не просыпаться!» – подумала Полина и вдруг увидела, как к ней приближается несколько тем-

ных силуэтов.

Девочка замерла от страха. Фигуры приближались. Тот, что шел впереди, громко говорил семенившим следом:

– Я вам уже не раз напоминал, что фонари на набережной следует держать включенными и день, и ночь. До чего вы бестолковые люди! Иначе, мы можем столкнуться островами. Или не заметить беглецов, скрывающих важную государственную тайну.

Теперь Полина могла хорошо разглядеть человека в сиреновом жакете и с рыжей копной волос. Он ей показался знакомым, но она никак не могла припомнить, где она его видела.

– Здравствуйте, – прошептала Полина и вдруг ее осенило! Она вспомнила самого последнего слепленного ею человека. Полина лепила его в тот момент, когда мама отчитывала ее. Полина назвала его Аркадио Террибле. В порыве обиды на маму ей хотелось, чтоб он наказал лисофанжеанцев за их беззаботную жизнь.

От удивления голос Полины стал чуть громче:

– Ой, вы так похожи на Аркадио Террибле!

– Ой, а вы так похожи на Глашу, – передразнил ее Аркадио и приказал сопровождающим его людям:

– Схватить девчонку!

Полину взяли за руки. Девочка не сопротивлялась и послушно пошла по набережной.

Аркадио Террибле шел следом и переговаривался по ра-

ции:

– За кем вы гонитесь, бестолковые люди? Раз-раз, прием! Я уже поймал девчонку. Вы в темноте друг друга не узнаете, бестолковые люди. Раз-раз! Немедленно отправляйтесь в Софлигор. Я приказываю, раз-раз. Отменяйте погоню и немедленно в Софлигор! Всех лисофанжанцев, кто не в больнице, я требую созвать в Софлигор, раз-раз. До чего бестолковые! Я объявляю экстренный сбор! Я приму жесткие меры, усилю дисциплину. Я вас перевоспитаю!

Глава 10. Кира забегаёт домой

Когда к палатке подошли люди с фонарями, Глаша уже растолкала Киру. Ребята неподвижно сидели и прислушивались. Людей, судя по голосам, было двое, но по шуршанию и топоту казалось, намного больше.

– Думаешь, Глаша настолько наивна, что вернется на этот остров? – спрашивал первый. Глаша от его слов запыхтела от возмущения как самовар, но Кира зажал ей рот рукой.

– Аркадио велел проверить все острова, – отвечал второй. – Моя семья в больнице. Уж я найду Глашу во что бы то ни стало, чтоб она вернула людям солнце.

– Смотри, там кажется лодка! – закричал первый. И второй, уже намеревавшийся заглянуть в палатку, отвлёкся на него и пошел следом.

В этот момент послышалось тихое ржание, и Глашу осенило – топот и шуршание издавали не люди, а пони!

Глаша толкнула Киру локтем и распорол перочинным ножом палатку с противоположной стороны. Ребята выбрались наружу.

– Чушка, Чижик, Черныш, – наугад шепотом позвала Глаша и тихо посвистывала. Два силуэта пони, шедшие за всадниками на берег, не откликнулись. Зато обернулись люди и побежали на ребят. Глаша схватила Киру, Кира схватил свой рюкзак, и они ринулись по каменистому берегу, спотыкаясь

и падая.

– Челнок, Чужак, Чабрец, кто тут из вас? – как заклинание повторяла Глаша и свистела. И тут прямо перед ребятами из темноты появились два сверкающих глаза и цокот копыт.

– Чушка! – Глаша с разбега налетела на пони и обняла его за бархатную шею.

Они с Кирой в секунду взобрались на его спину, и Чушка взмыл в воздух.

Кира постоянно оборачивался. Преследователи настигали их ближе и ближе. Чушка взмывал выше и выше.

– Давай, Чушка, давай! – нашептывала Глаша и наконец они врезались в густые черные облака. Здесь отыскать беглецов было уже невозможно. Крики и голоса преследователей быстро затерялись во мгле. Но Глаша еще некоторое время держала Чушку в облаке.

Наконец, они вынырнули на поверхность и окунулись в первые золотистые лучи восходящего солнца. Кира почувствовал, как стало веселее. Дышалось легко и свободно, когда они парили под огромным небосклоном.

Через пару секунд Чушка замедлил ход, принялся и опустился на скалу, вершина которой терялась в клубившихся серых облаках. Здесь было небольшое плато перед входом в пещеру.

Глаша похлопала Чушку по разгоряченной бархатной шее, потрепала за жесткую гриву.

– Лети, Чушка, на острова, попей водички, отдохни. А ко-

гда солнышко появится – прилетай за мной, – зашептала Глаша Чушке на ушко.

– Вернешь солнце? – подслушал Кира.

– Да, – кивнула Глаша, – совершенно безвозмездно. Царский подарок. Королевский жест.

И решительно направилась в пещеру, где исчезла в темноте.

Кира опомнился и бросился следом.

– Глаша, подожди! – закричал он.

Темнота пещеры перешла в тусклый свет чердака, как каменный пол в скрипучие половицы. Зброшенный дом в утреней тишине казалось замер в безмолвии. Ни шорохов, ни кашля бродяг.

На просыпающейся улице Кира не без удовольствия вдохнул городской воздух, услышал знакомый шум и отдаленные сигналы машин.

Глаша, прищурившись, посмотрела на светлеющее небо, где пастельными красками были растушеваны серо-розовые перья облаков. Вставало солнце.

Кира, также смотревший на высокое осеннее небо, остывающее после лета, поежился от холода, переступая босыми ногами по мостовой, и перевел взгляд на Глашу.

– В пижамах и босиком идти по городу, – засомневался Кира.

– А что такого? – начала было Глаша и догадалась. – Ах да. Тут же свои порядки. Человеку спокойно не пройти.

– Пройти – пройдешь, но околеешь по дороге. Пошли ко мне, – нехотя предложил Кира. – Все равно слишком рано. Полина еще спит.

– К тебе домой? Думала, ты жил на чердаке.

– У меня есть дом, – Кира разозлился на Глашину шутку и пошел быстрыми шагами по улице. Глаша поспешила следом.

Дом Киры был за углом, на соседней улице. Серый стройный, с черными подтеками под окнами. Ребята вошли в парадную с ледяным кафельным полом из бело-голубых плит, поднялись по прохладным гладким, словно отполированным, ступеням и остановились перед высокими деревянными дверьми, окрашенными коричневой краской.

У дверей в квартиру Кира замялся.

– Только идем тихо, – прошептал он. – Не просто тихо, а беззвучно.

Глаша в недоумении скорчила вопросительную гримасу, но Кира не вдавался в объяснения. Мальчик больше и больше мрачнел.

Стараясь не дышать, Кира протиснулся в темный коридор, взяв Глашу за руку. В коридоре была полнейшая мгла, как в облаке над Лисофанже. Ребята скользили спинами по шершавым обоям. Наконец, Кира остановился, открыл дверь, осторожно заглянул внутрь, затем дал знак Глаше заходить. Они оказались в просторной комнате с высоченным потолком. Лепнина вокруг люстры покрылась ошметками

штукатурки.

В комнате стоял полумрак, потому что единственное окно выходило прямо на желтую стену соседнего дома, до которой можно было дотянуться рукой. Обои на стенах пожелтели и рисунок на них затерся. Только у потолка на них были видны веселенькие цветочки. Из мебели было два разложенных дивана по обе стороны от шкафа, стоящего посреди комнаты и разгораживающего ее на большую и меньшую части. В углу Глаша заметила холодильник, стол и две табуретки. Под столом стояли пустые бутылки. В комнате было чисто, но не уютно.

Кира выглядел хмурым и озадаченным. Он молча вытер ноги о придверный коврик, где стояли его кроссовки и несколько женских поношенных туфель и сапог на высоких каблуках, и прошел в меньшую часть комнаты. Разложенный диван был опрятно застелен пледом. За диваном прямо на полу сложена стопочками одежда Киры. Учебники и тетради ровными рядами помещались на подоконнике. Кира бросил пустой рюкзак на пол и сел на корточки, выбирая вещи для Глаши.

– Вот тебе футболка, джинсы и толстовка, – не оборачиваясь, Кира сунул ей в руки. – Обувь поищу в диване.

Глаша молча взяла вещи.

И вдруг дверь в комнату растворилась. Кира и Глаша одновременно повернулись на звук скрипнувшей половицы. На пороге возвышалась пожилая женщина с высокой при-

ческой из седых волос.

– Здравствуйте, Вера Санна, – поздоровался Кира.

Женщина смерила его взглядом и грузными большими шагами прошла в комнату, поправляя поясок на цветастом фланелевом халате.

– Явился, беспризорник, – сурово сказала Вера Александровна хриплым голосом. – Мать твоя шляется. И ты шлешься. Еще и такую же замарашку с помойки притащил.

– Какая я вам замарашка! – громогласно возмутилась Глаша, ставя руки в боки, но Кира с силой наступил ей на ногу, и Глаша замолчала, увидев, как побледнел Кира и стиснул зубы. Вера Александровна только ухмыльнулась и продолжила:

– Детский дом по тебе плачет.

– Вера Санна, не надо, пожалуйста, – тихо попросил Кира. От слов «детский дом» Киру пробрала дрожь. Маячивший как черная дыра, как неизвестность за высоким забором, детский дом был кошмаром Киры. Неосознанный страх пронзал Киру, когда Вера Александровна вновь и вновь грозила детским домом. Если бы той ночью на чердаке его поймал полицейский, если бы соседи вызвали опеку, если Инна Марковна все-таки придет к нему домой... Кира был готов и удирать от полицейских, и сидеть ночами на чердаке, когда к маме приходили гости, и беспрекословно слушаться соседку, и стирать одежду, и голодать, лишь бы, лишь бы не угодить в проклятый детский дом.

– «Не надо, Вера Санна», – горько вздохнула соседка. –

Ты дурак. С такой матерью, как твоя, долго ты не протянешь.

– Вера Санна, пожалуйста, – просил Кира сквозь зубы.

Женщина махнула рукой и, уходя, сказала:

– У вас дежурство по квартире. Иди полы намывай, чтоб дурь из тебя вышла.

И хлопнула дверь. Эхо разнеслось по огромной комнате. Глаша молчала. Кира достал из дивана старые выношенные кроссовки.

– Померяй. У тебя размер меньше, – протянул он их Глаше и добавил. – Иди к Полине одна, мне надо квартиру убирать.

– В океан вместе прыгали, и полы вместе отмоем, – бодро сказала Глаша. – Давай сюда тряпки, ведра, швабры!

Квартира оказалась огромной с длинным коридором с гнусными зелеными обоями, освящённым тусклой лампочкой. Комнат помимо Кириной было еще пять. И длинная узкая кухня с двумя газовыми плитами, одной раковиной и шестью кухонными гарнитурами.

Сначала Кира и Глаша вместе оттирали подоконники в кухне. Затем Глаша протирала тряпкой двери и дверные ручки общего пользования. «Общего пользования – это значит, что ими пользуются все соседи по квартире» – объяснил Кира. Кира тем временем подметал коридор и вытряхивал коврик у входной двери.

«Чтоб ни пылинки» – зорко следила соседка, периодически выглядывая из своей комнаты. Глаша намывала ванну и

раковину, Кира драил унитаза. «Чтоб до блеска!» – наставляла Вера Александровна.

И дружно намывали полы, ползая по квартире на четвереньках. «Воды куда столько льёте!»

Наконец, дошла очередь и до ребят. Они отмылись в душе и переоделись. Кира погладил себе рубашку стареньким утюгом, который отдала ему Вера Александровна, и надел джинсы. Школьные брюки и пиджак остались на острове.

Заглянув в холодильник, Кира посмотрел на пустые полки и предложил сварить овсянку. Глаша кивнула. Есть хотелось, тем более что из кухни доносился аппетитный запах блинов. И тут дверь в комнату снова распахнулась. Вошла Вера Александровна с подносом в руках. На подносе возвышалась стопка блинов, вазочка со сгущенкой и две чашки чая.

– Натё вам, – хрипло сказала соседка, с грохотом ставя поднос на стол. – Посуду вымоете, на кухне оставите.

Кира благодарно посмотрел на Веру Александровну. Она всегда его подкармливала, научила гладить, готовить, стирать, мыть полы. И пусть она ругается и ворчит. Если бы не она, Кира даже представить боялся, что было бы тогда.

– Спасибо, Вера Санна, – хором сказали Кира и Глаша и накинулись на блины.

Глава 11. Поиски Полины

Ребята легко шагали по свежему осеннему городу, наполненному людьми и машинами. Настроение стало приподнятым, потому что темная квартира с запахами сырости и моющих средств осталась позади, а впереди светило солнце и начинался новый неизведанный день.

Кира думал о том, что Глаша единственная из его друзей побывала у него дома. И, пожалуй, ей одной он смог признаться в том, как он живет. А Глаша думала о том, что Кира не должен так жить, как он живет.

Задумавшись, они не заметили, как им перегородила дорогу классная руководительница.

– Инна Марковна! – едва успел притормозить Кира, чтоб не врезаться. Инна Марковна даже не посмотрела в его сторону, она буквально набросилась на Глашу:

– Полина, девочка моя, где ты пропадала? – заголосила учительница в сердцах. – Мамочка плачет, больницы обзвонила, полиция на уши поднята. Что ж ты мамочку не жалеешь?! Зачем связалась с этим оболтусом? – голос Инны Марковны с лебезения перестроился на грозное рычание. – А ты, Колбасников, опять школу прогуливаешь? Я до матери так и не дозвонилась. Завтра домой к тебе приду. Так матери и передай. Ты в джинсах в школу собрался? От рук отбился. Матери твоей все выскажу. Сегодня педсовет, а завтра, Кол-

басников, выскажу матери твоей.

Кира улыбнулся Инне Марковне, с отчаянием понимая, что в конце концов учительница действительно придет к нему домой:

– Приходите, Инна Марковна, я для вас пирог испеку.

– Не паясничай, Колбасников!

Под бдительным присмотром классной руководительницы Кира и Глаша были сопровождены к школе. Мама Полины со слов учительницы, взволнованная и неразборчивая, уже неслась по утренним пробкам то ли в машине скорой помощи, то ли верхом на машине скорой помощи.

– Как удачно разрешился мой план – шепнула довольная Глаша Кире по дороге. – Теперь я легче легкого верну в Лисофанже солнце, когда попаду к Полине в комнату. А потом сбегу.

– А ты не думаешь, что если Полина не найдется, то твое Лисофанже вынесут на помойку. Поверь мне, так бывает.

– Дельное замечание, – закивала Глаша и продолжила рассуждения Киры. – А если Полина вернется, и ее снова заставят держать Лисофанже под кроватью? – Глаша нахмурилась, но ей быстро пришла в голову идея:

– Придется захватить Лисофанже с собой. Одолжишь рюкзак?

– Я лучше коробки раздобуду. Знаю места.

Занятые этим разговором, они подходили к школе. Глаша заметила, как навстречу ей несется растрепанная женщина

с красными глазами. Девочка слегка попятилась, но почувствовала, как ее мягко подтолкнула в спину Инна Марковна.

– А вот и мамочка! Не расстраивай ее, девочка.

– Понимаю, почему Полина сбежала, – мысленно ужаснулась Глаша и шепнула на прощание Кире:

– После уроков жду тебя с коробками!

Кира несся по лестничным пролетам к квартире Полины изо всех сил. Он запыхался, в боку колото. На его беспорядочный трезвон и стук Глаша резко распахнула дверь и грозно шикнула:

– Ты чего шумишь? Мама, наконец, заснула! Где коробки?

Кира согнулся пополам и пытался отдышаться.

– Где коробки, Кира?

– Дом, – с шумом ответил Кира. – Дом разрушили. На моих глазах.

– Что? – переспросила Глаша и, остолбенев, уставилась на Киру.

– Осталась стена по фасаду и через окна видно небо. И куча пыли. И битые кирпичи, – рассказывал Кира и, наконец, озвучил то, во что Глаша не могла поверить. – Ты не сможешь вернуться в Лисофанже.

На клетчатой скатерти валялись, наверное, все продукты, которые нашла Глаша в шкафах и холодильнике. Порубленные ножом большие куски хлеба, разломанный сыр, помидоры, огурцы, яблоки, груши, варенье, орехи, сухофрукты были разбросаны по столу. Центром натюрморта являлась пу-

стая банка из-под шоколадной пасты, тщательно вычищенная ложкой.

– Угощайся, – широко обвела рукой стол Глаша. – Правда шоколада не осталось.

Она хмуро уставилась в окно в невеселой, несвойственной ей, задумчивости. «Ты больше не сможешь вернуться в Лисофанже» – вертелось в голове.

– Зато тебе есть, где жить, – будто подслушал ее мысли Кира. – Ну и Полину можно не искать.

– Полину надо искать, – твердо ответила Глаша, – потому что ее надо искать. Ее любит мама. А я не Полина. Я не смогу долго притворяться. И, в конце концов, может она попала в беду!

Кира удивился перемене в Глаше. И Глаша принялась рассказывать, какая была суматоха, и скорая, и полиция, и слезы, и расспросы, и успокоительные капли, от которых до сих пор пахло травами по всей квартире.

Кира слушал, отрезал ножом тонкие ломтики от поломанных кусков и сооружал бутерброд. На хлеб он уложил тонкие полоски сыра, на сыр – сочные кружочки помидора, а сверху легла хрустящая веточка укропа.

– Хорошо бы отыскать Полину, – повторила Глаша.

Кира, не отвлекаясь от бутерброда, согласно покивал.

– Когда я признаюсь, что я не она и сбегу от заботы, мне будет жаль ее маму.

«Куда же ты сбежишь? – подумал Кира, но не стал пере-

бивать Глашу. – Только в детский дом».

– Знаешь, она бывает доброй, – Глаша вспомнила, как мама Полины долго расчесывала ее волосы, и как ей удалось распутать Глашины колтуны, как мама обнимала ее, как никто и никогда не обнимал. И как мама тихо почти беззвучно вздыхала, вздрагивала, засыпая, когда выпускала руку Глаши. А Глаша сидела рядом, и ей было грустно от мысли, что когда мама проснется, ей придется снова искать Полину, потому что Глаша уйдет.

И в тот момент Глаша приняла решение повременить с возвращением в Лисофанже и самой найти Полину.

– Но для начала сделай мне такой же бутерброд, – попросила Глаша, не сводя глаз с бутерброда Киры.

– Надо думать. Надо думать, – Глаша ходила взад-вперед по комнате Полины и периодически обращалась к стеллажу, на котором были расставлены Софлигор, больница, летающая квартира и недоделанные острова. Книги и учебники, стоявшие раньше на полках, были свалены Глашей на пол.

– Хорошо вам там? – спрашивала стеллаж Глаша. – Греетесь под солнышком? И не знаете кого благодарить. А это я вам солнышко вернула. Безвозмездно. Радуйтесь-радуйтесь – меня вы тоже больше никогда не увидите.

За стенкой шумели соседи, чему-то бурно радуясь, и не давали Глаше сосредоточиться. Видно, новому пылесосу, который шумел, как трактор.

– Замолчите! – Глаша стучала кулаком в стену.

Кира, наевшись, устало развалился на кровати и подбрасывал мячик:

– Сидя в комнате, мы ее вряд ли найдем.

– Да что ты! – съязвила Глаша, уже порядком раздраженная тем, что ей не приходили толковые мысли. – Думаешь, я собираюсь искать Полину в комнате? Может, ты думаешь, что я размышляю, где лучше поискать Полину – под столом или под кроватью?

И Глаша в подтверждении своих слов немедленно заглянула под стол. И замолчала.

Кира поймал мячик и приподнялся на локтях, посмотреть, почему затихла Глаша. А Глаша уже стояла на четвереньках и завороченно глядела под стол.

– Вот, кто мне мешал думать, – догадалась Глаша, слушая восторженные возгласы, доносившиеся из дыры под столом, и сообщила Кире. – Похоже мы нашли Полину!

Глава 12. На защиту Софлигора!

Ребята вылезли из подвала дома на набережной и тут же очутились на горячем песке пляжа. На синем безоблачном небе, как знамя победы, светило солнце. С шумом, который ребята приняли за шум пылесоса, взмывали волны и обрушивались на берег. Лисофанжеанцы ликовали, возвращаясь в свои покинутые дома.

Залитый солнцем Софлигор преобразился. Развалившиеся и покосившиеся дома словно воспряли духом и радостно пускали солнечных зайчиков битыми оконными стеклами.

Глаша как выползла из-под стола на четвереньках, так и села на горячий песок, не веря своему счастью.

– Глаша, – окликнул заметивший ее лисофанжеанец, – спасибо, что вернула солнышко! Слышал, тебе досталось от Аркадио!

– Досталось от Аркадио!?! – переспросила Глаша, чувствуя подступающий гнев. Она моментально догадалась, кому досталось от Аркадио и ужасно разозлилась.

– Где этот рыжий болван?!

Лисофанжеанец махнул рукой в сторону площади Софлигора. И Глаша решительно направилась по узкой улочке в центр города. Кира еле поспевал следом, потому что с любопытством озирался по сторонам.

Дома вскоре расступились и образовали городскую пло-

щадь. Брусчатка под ногами скрипела песком и шуршала пожухлыми листьями.

На спинке скамейки восседал Аркадио и громко и обстоятельно давал распоряжения по насущным вопросам благоустройства и восстановления Софлигора. Крыжовников и несколько лисофанжеанцев, примостившись рядом, аккуратно записывали.

– Ты зачем обидел Полину? – в ярости закричала Глаша на Аркадио Террибле. Аркадио и его окружение с удивлением уставились на нее.

– Кого обидел? – спросил Аркадио, слезая со спинки скамейки от наступающей Глаши.

– Как ты посмел обидеть Полину, рыжая башка? – грозно вопрошала Глаша, но Аркадио лишь пятился.

– Попрошу без оскорблений, – приосанился Аркадио.

Крыжовников тоже поднялся с места и вполголоса обратился к Аркадио:

– Смею предположить, что у девочки из-за долгого пребывания в одиночестве и прыжка из Летающей квартиры раздвоение личности. Припоминаю, что вчера она уверяла, что она никакая не Глаша, а Полина. Думаю, она имеет в виду себя.

– Что ты за дурь ты несешь, Крыжовников? Я – Глаша, а девочка, которую вы пытали, – Полина.

– Пытали? Сколько можно меня оскорблять?! – возмутился Аркадио. – Я проводил воспитательную работу. Требовал

вернуть солнце, а ты твердила, что я пластилиновый, хихикала надо мной и заверяла, что за солнцем тебе нужно залезть под кровать. Ты помнишь это? А помнишь, как ты заснула прямо на скамейке? А я принес тебе пледик и укрыл, чтоб ты не замерзла? И после этого я должен выслушивать подобные обвинения!

– Ты принес мне пледик? – опешила Глаша.

– Да, я принес пледик. Надеялся, что сон на свежем воздухе окажет на тебя благоприятное воздействие. Как же я ошибался. Но обязан выразить тебе благодарность за возвращение солнца, если ты, конечно, имеешь к этому отношение.

– Имею. Благодарю за пледик, – процедила Глаша. – Но где Полина?!

– Твои безосновательные нападки на меня переходят все границы! – разозлился Аркадио.

– Глаша, – подбежал запыхавшийся Кира. Он отстал, потому что засмотрелся на толпу лисофанжеанцев, ведущих бурную беседу и передающих друг другу подзорную трубу. – Глаша, Полина на берегу!

Издали они увидели играющих в волнах ребят. Они с визгом бросались на наступающую волну и та валила их с ног, покрывая с головой пеной. Дети выскакивали и снова бросались вперед. Кто смог побороть силу волн и пробраться дальше, качались плавно, словно в медленном вальсе, на морских валах.

Полина в мокрой пижаме прыгала по пояс в воде, визжа

от восторга, подставляя ладошки наступающей стихии, жмурясь от соленых брызг и солнца, падая в пену, захлебывалась и тут же подскакивала.

– Большая волна! – предупреждающе закричал кто-то с берега. И лисофанжеанские ребята, играющие в прибое, быстро выскочили на берег. А те, что были на глубине, начали грести от берега, чтобы не попасть на гребень. Полина не знала опасности волн, Полина не слышала крики и самозабвенно бултыхалась в воде, которая стала уходила у нее из под ног и щекотать пятки песком.

И только когда огромная глыба будто завернула ее в себя, обступив со всех сторон, Полина даже не успела испугаться, а только зажмурилась и почувствовала, как ее засасывает, закручивает, переворачивает, словно в стиральной машине, а потом вышвыривает на песок и снова пытается утянуть.

Но тут кто-то схватил ее под руки и быстро потащил на сушу. Запыхавшаяся, она упала на горячий песок.

– Как здорово! Как же здорово! – восторженно твердила она, задыхаясь от счастья. Полина разве что не смеялась, но она так устала, что сил хватало на улыбку до ушей. – Мне так здорово еще ни разу в жизни не было!

– Ты чуть не утонула, – строго сказала Глаша.

– Как же я рада вас видеть! – Полина растянулась на песке, раскинув руки в стороны, и блаженно закрыла глаза от светящего солнца.

– Полина, – снова сказала Глаша, – твоя мама сильно пе-

реживает. Тебе пора домой.

– Нет, – ответила Полина, водя руками по песку, и мотая головой из стороны в сторону.

– Полина. Твоя мама переживает. Тебе пора домой!

– Нет! – замотала головой сильнее. – Я не вернусь домой.

– Ты же знаешь, как твоя мама будет переживать, если ты не вернешься?! – недоумевала Глаша.

– Что я есть, что меня нет, она все равно будет переживать, – безмятежно потянулась Полина, нежась в солнечных лучах. – Как же здесь здорово...

– Глаша, – подбежал Кира, он снова ходил к толпе лисофанжанцев с подозрительной трубой, – говорят, на Лисофанже надвигается Кент-разрушитель!

Кира, не зная о Кенте-разрушителе, вопросительно смотрел на Глашу. Глаша отвлеклась от Полины и напряженно взглядела в бескрайний синий океан. На лазурной границе неба и океана зияла черная точка.

– Кто такой Кент? – спросил Кира.

– Разбойник, – отвечала Глаша. – Бороздит моря и океаны на гигантском жуке-плавунце и громит бешеными огурцами острова, пока они не уходят под воду. Говорят, ищет что-то, но никак не может найти. И с каждым днем становится свирепее и беспощаднее. К нам, в Лисофанже, прибило однажды плот с выжившими людьми.

– Спасайтесь! Спасайтесь, лисофанжанцы! – раздался хриплый голос Аркадио Террибле из громкоговорителя. Его

уже предупредили о Кенте, и он шел по улицам, оповещая людей об опасности. – Попрошу всех сохранять спокойствие и организованно пройти в Летающую квартиру!

Лисофанжеанцы уже сами поспешно бежали на другую сторону Софлигора, где парила в воздухе Летающая квартира с перекинутыми сходнями.

– Правильно, Аркадио, – поддакивал бегущий толстяк Крыжовников с биноклем в руках. – Сдадим самодуру Кенту Софлигор, а на Летающей квартире мы от него уйдем. Я предупредил доктора Бо. Больница движется в безопасном направлении.

– Мы не сдадим Софлигор! – вдруг громогласно закричала Глаша, подбегая к Аркадио и выхватывая у него громкоговоритель. – Мы примем бой. Мы остановим Кента. Кто со мной, лисофанжеанцы? На защиту Софлигора!

– Не слушайте бестолковую девчонку! – возмутился Аркадио, пытаясь выхватить обратно громкоговоритель. – Спасайте свои жизни. Софлигор и так разрушен. Его уже не спасти. Спасайте себя!

Лисофанжеанцы бежали мимо. Одни на бегу приветствовали Глашу, другие справлялись о ее здоровье, третьи уговаривали спастись, четвертые, сломя голову, пробегали, не глядя.

– Глаша, не совершай подвиг ради подвига, – поучительно сказал Аркадио. – Это глупый и бессмысленный поступок. Подумай хорошенько, стоит ли погибать за и без того разру-

шенный город. Мыслить следует рационально.

Глаша молча смотрела в одну точку на горизонте, на приближающегося гигантского жука.

Аркадио вздохнул, понимая, что ее не переубедить.

– Если отстоишь Софлигор, – сказал он на прощание, – я больше не буду называть тебя бестолковой. И, пожалуйста, береги себя.

– Я отстою Софлигор, – уверенно заявила она.

У Киры, стоявшего рядом с Глашей, бешено заколотилось сердце.

– Я с тобой, – сказал Кира, не раздумывая. Это был первый порыв, как тогда, когда он напросился к Глаше в гости. Да, было страшно решиться перед тем, как на чердаке взобраться на Чушку, было страшно прыгать в океан, страшно не нащупать дно и не вернуться никогда домой. Но теперь Кира был уверен – это того стоило! И помочь Глаше отстоять Софлигор – такой же бессознательный первый порыв. И Кира доверился ему.

И вдруг раздался голос Полины:

– И я буду защищать Софлигор.

На мокрой пижаме налип песок. На лице – решительный настрой.

Ей не было страшно. Полина чувствовала: отступить она не может, потому что Лисофанже – это ее свобода.

Аркадио Терриибле, уже собравшийся уходить в Летящую квартиру, переводил взгляд с одной девочки на другую.

– Ты все-таки раздвоилась, Глаша. Очень предусмотрительно!

– Обещаю участникам обороны – мы здорово повеселимся! – подмигнула ребятам Глаша, испытывая чувство благодарности к обоим.

Глава 13. Кент, жук- плавунец и бешеные огурцы

Сходни Летающей квартиры были подняты. Лисофанжеанцы медленно отдалялись от Софлигора, с тревогой наблюдая, как на берегу остались маленькие фигурки ребят и двух пони.

Кира, Глаша и Полина по очереди смотрели в подзорную трубу на черную точку на горизонте, которая эволюционировала в темную полусферу размером с кулак. В трубу можно было разглядеть длинные усищи чудища, огромные глазища, а на его спине помещалась целая армия карликов во главе с громадной фигурой Кента.

Кире ужасно хотелось скрыться в подвале дома на набережной и оказаться в безопасной комнате Полины. Но видя боевой настрой Глаши, Кира догадывался, что отстаивать Софлигор придется до победного конца.

Вдруг ребята услышали веселые голоса и увидели, как из-за угла острова появляются беззаботно пританцовывая юноши и девушки в купальниках и шортах, с гитарами наперевес. Они загорали на том конце Софлигора и не слышали, что на город надвигается опасность. Кира сразу узнал веселых ребят. Он вспомнил, как они радовались, пританцовывали и приветствовали Глашу в Летающей квартире.

Завидев Глашу, они замахали руками и закричали:

– Гляша! Гляша! Салю! Са ва!

– Вспомнил, где я их видел! – воскликнул Кира. – Они из учебника по французскому! Вот это да!

И тут Глаша закричала им в ответ на беглом французском языке, активно жестикулируя. У Полины округлились глаза, когда она услышала, как хорошо Глаша говорит по-французски.

Кира и Полина не поняли ничего из того, что объясняла Глаша французам. А Глаша говорила и указывала французам на Полину, а французы кивали.

– Я им сказала, чтобы они тебя слушались, – наконец, обратилась Глаша к Полине. – Ты, как никто, знаешь город и сообразишь, из чего построить баррикады, если враг высадится.

Полина в растерянности моргала и в отчаянии смотрела на Глашу, потом опустила руки и пробормотала упавшим голосом:

– Я не смогу. Я не смогу им ничего объяснить. Я не выучила дурацкий французский.

– Какая ерунда! – воскликнула Глаша. – Вовсе не обязательно знать французский, чтобы объясниться с французами. Давай, Полина! – подбодрила ее Глаша и обратилась к Кире:

– А ты за мной.

Кира с Глашей побежали к домам. Они забирались внутрь

и искали зеркала. Но зеркала были то слишком маленькие, то слишком большие. Наконец Глаша увидела причудливое трюмо с круглыми зеркалами, обрамленными деревянными рамами. «То, что надо!» – обрадовалась Глаша, и они с Кирой отломали от столика три зеркала.

Когда они выбежали на берег, Кент на жуке плавунце был настолько близко, что видно было, как матросы бережно раскладывают на спине жука бешеные огурцы.

Полина с французами протягивали вдоль берега между фонарями рыболовную леску. Леска была почти незаметна, но крепка. Полине-таки удалось объясниться французам без французского.

Пробегая мимо Полины, Глаша крикнула:

– Хочешь с нами?

Полина кивнула. Глаша вручила ей одно из трех зеркал и свистнула. Перед ребятами опустились Черныш и Чабрец.

Кира забрался на Чабреца, а Глаша с Полиной на Черныша.

– Чудный сон, – прошептала Полина, усевшись за спиной Глаши. – Даже полетаю...

Глаша услышала ее слова и развернулась к ней.

– Я догадалась, что это сон, – созналась Полина. – Если б не догадалась, с ума сошла от страха.

– Ясно, – утвердительно кивнула Глаша. – Сон замечательный. Но держись крепче!

Пони взлетели над Софлигором и едва не столкнулись с

первыми снарядами, выпущенными с жука-плавунца.

На город летели зеленые увесистые шары размером с арбуз. Они пробивали дыры в крышах и утопали в брусчатке. Пони ловко уворачивались, ребята едва удерживались в седлах.

Длинный как корабль жук-плавунец греб по воде веслообразными лапами. На его плоской блестящей спине стоял могучий Кент, обросший густой бородой до пояса.

Кент одной рукой держал вожжи-канаты, привязанные к усищам жука, а другой проводил тонким прутиком по торпедообразным стручкам бешеного огурца. Стручки разрывались и на город выстреливали семена-снаряды.

Команда Кента, матросы-карлики, мгновенно сбрасывали взорвавшиеся стручки за борт и раскладывали новую партию бешеного огурца. За жуком виднелся плот, нагруженный снарядами.

Приблизившись к жуку, ребята по команде Глаши поймали зеркалами лучи солнца и направили ослепительных солнечных зайчиков в огромные черные глазищи, лучик Полины угодил в средний маленький глаз жучищи.

Жук завертелся, отворачиваясь от бивших ему в глаза лучей. Кент, зажав вожжи, еле удерживал гигантское насекомое и кричал:

– Стоять, Еврашка!

Матросы слетали с жука в воду. А те, что удерживались, нацеливали бешеные огурцы на подлетевших пони. Снаряды

с протяжным свистом проносились совсем близко. Лошадки едва уворачивались, а Кира, Глаша и Полина, еле удерживаясь сами, наводили солнечные лучики на жучиные глазищи.

Кира крепко и победоносно держал как щит впившееся в ладонь зеркало.

Глаша яростно метала в жука точные лучи.

Полина, поражаясь собственной храбрости, удерживала зеркало на вытянутой дрожащей от усилия руке и целилась лучом в маленький темный глаз посередине. Внезапно девочку начал разбирать счастливый смех – от приключения, от ветра в растрепанных волосах, от скорости.

Полина была не в силах остановить рвавшийся наружу хохот. И вдруг девочка не удержалась и соскользнула с крупа пони.

Состояние полета ошеломило Полину наслаждением и кошмаром. Больно ударившись об упругую гладь спиной, девочка с головой погрузилась в океан. В ушах загрохотал шум волн.

Зависнув в толще воды и замороженно глядя на изумрудные сверкающие переливы океана, Полина ощутила, как мощная сила выталкивает ее наверх.

Вынырнув на поверхность, Полина закашлялась горькой от соли водой, обжигавшей горло, и забила руками по воде. Уцепиться было не за что. Одна за другой Полину накрывала волна. Полина захлебывалась, то погружаясь под воду, то выныривая.

Внезапно в нескольких метрах от себя Полина увидела гигантскую голову жука. Девочка оцепенела от ужаса. Жук метался как в припадке. Наконец он высвободился от вожжей, сбросив со спины и Кента, и команду, и плот, и арсенал разрывающихся огурцов.

Оба огромных глаза были залиты солнечным блеском, но тот один маленький, в который светила Полина, разглядел парящих пони. Крылья жука распахнулись, жук рванул ввысь и в одно мгновение проглотил обидчиков.

Заскрежетав ротовыми щупальцами, жук ринулся вниз и ушел в глубинные воды, подняв столб брызг.

В ужасе Полина глядела, как жук проглотил Киру и Глашу, и не заметила, как перестала барахтаться и цепляться за воду. «Из-за меня погибли мои друзья. Скорее бы проснуться!».

Густая от соли океаническая вода удерживала девочку на поверхности. «Я держусь на воде» – пронеслось в голове у Полины.

– Убью за Еврашку! – донесся до Полины могучий рев Кента, который стремительными гребками приближался к девочке.

Запаниковав, Полина перевернулась на живот и, сама не зная как, поплыла к берегу. Океан будто помогал Полине, перебрасывая ее с одной волны на другую, приближая к спасительному берегу.

Наконец, пальцы ног задели дно. Вырываясь из объятий

океана, Полина ощутила тяжесть тела и из последних сил бросилась удирать. Кент не отставал.

– Убью за Еврашку!

Босыми ногами Полина бежала по сыпучему горячему песку. У набережной девочка наскочила на натянутую французами леску, едва не запуталась, но чудом высвободилась и ринулась к дыре в фундаменте.

В ярости Кент разорвал баррикады французов и едва втиснулся в отверстие фундамента вслед за юркнувшей туда девочкой.

Глава 14. Лисофанже

– Мама! – отчаянно заорала Полина, выбираясь из-под стола в свою комнату. С пижамы вода стекала прямо на пол.

– Что ты кричишь? – в комнату вбежала взволнованная мама с завязанной платком головой и замолчала.

Посреди комнаты рядом с Полиной в луже воды стоял бородатый великан в рваных джинсах, ошарашено озираясь по сторонам.

– Мама, бежим! – Полина вцепилась в маму и оттаскивала ее прочь. – Кент убьет за Еврашку!

Но мама не шелохнулась. Мама побледнела и тихо произнесла:

– Кеша...

– Катя... – также тихо эхом произнес Кент и его грозный вид улетучился.

– Мама, Кент убьет за Еврашку! Бежим! – продолжала самозабвенно вопить Полина, ничего не слыша кругом.

– Полина, не кричи, – тихо попросила мама, отстраняя Полину.

– Катюша, поверить не могу, – зашептал Кент и перевел взгляд на Полину. – Полинёнок?! Это наш Полинёнок? Сколько же меня не было!?

– Пять лет...

– Мама, кто это? – Полина начинала приходить в себя.

– Твой папа, – отчеканила ледяным голосом мама.

«Папа! Папа? Папа...» – зазвучало в голове у девочки на разные лады. Полина в изумлении уставилась на Кента. И, наконец, за спадающими на лицо волосами великана и густой бородой Полина разглядела его глаза – папины глаза. «Сон или не сон?»

Полина вдруг заплакала, потому что ей уже бывало снилось возвращение папы. Как же невыносимо обидно было тогда просыпаться. Просыпаться и понимать, что это всего лишь сон, что папа не вернулся... «Только бы не проснуться! – взмолилась Полина, но тут же ужаснулась своему желанию, ведь Кира и Глаша проглочены жуком-плавунцом. И в этом виновата она, Полина, и ее папа!

– Катюша, – Кент сделал нерешительный шаг навстречу маме.

– Нет, – остановила его мама. Она глядела широко распахнутыми глазами и поджимала губы. – Я думала, ты погиб. А теперь ты заявляешься спустя пять лет. И что?

– Катюша, я объясню! – с пылом начал Кент, но мама вновь остановила его.

– А ты не подумал, что мне не нужны объяснения? – мама выдохнула, губы у нее дрожали. – За пять лет я уже нашла объяснения. Я была невыносима, я не справлялась с ребенком, с домом, с работой. А ты? А что делал ты, Кеша? Вместо того, чтобы помочь, лепил и вечно где-то пропадал. Ты мне говорил: «Полепи, отвлекись, лепка расслабляет, увидишь!»

А ты не замечал, как я уставала? И когда ты исчез, я справилась. Я справилась и с домом, и с работой, и с ребенком. И ты заявляешься спустя пять тяжелых для меня лет и хочешь что-то объяснить. Но поздно, Кеша, поздно.

Мама резко развернулась и направилась прочь из комнаты. Перед тем как захлопнуть дверь, мама, раскрасневшаяся от волнения, добавила:

– Я была о тебе лучшего мнения, когда думала, что ты погиб.

От хлопка двери у Полины заложило уши. Кент молча смотрел на закрытую дверь, потом осторожно приблизился к перепуганной девочке, встал перед ней на колени и обнял ее своими могучими руками.

– Ты мне снишься? – тихо спросила Полина, нерешительно дотрагиваясь до взъерошенных папиных волос. За пару мгновений в глазах девочки из страшного великана он превратился в родного нежного папу.

– Нет, Полинёнок, я вернулся. По-настоящему.

– Но ведь нет никакого Лисофанже! – Полину стало колотить от холода и всхлипываний. Она уткнулась в мокрые волосы Кента.

– Почему же нет, если мы только что оттуда, – сказал Кент.

– Так это взаправду? – спохватилась Полина, не веря и веря одновременно. – Но тогда Киру и Глашу проглотил Еврашка! Мои друзья погибли...

Кент снял с шеи веревку со свистком:

– В животе у Еврашки можно жить неделю, – улыбнулся Кент. – Возьми свисток. Один раз свистнешь – приплывет к тебе, три раза свистнешь – отпустит твоих друзей. Беги, спасай друзей, Полинёнок!

– Одна? – удивилась Полина. – А мне можно одной? Ведь это не сон, а взаправду.

– Конечно! – сказал Кент. – Полинёнок, запомни, в твоём Лисофанже с тобой и твоими друзьями ничего плохого не случится.

Полина во все глаза смотрела на папу.

– А почему тогда ты не смог выбраться оттуда?

– Я заигрался, Полина. Я заигрался в мире фантазий. И когда я опомнился, выход закрылся. В ярости я разрушил подчистую свой мир! Я блуждал по бесконечному океану, круша всё на своем пути... И однажды я узнал о Лисофанже – о новой удивительной стране, где парят острова над океаном. И прости меня, но от злости я решил разрушить Лисофанже, – Кент схватил Полину в объятия и закружил по комнате. – Я даже предположить не мог, что в мире фантазий могут быть настоящие люди. Не знал, что удивительное Лисофанже – это есть ты, мой Полинёнок! До чего же ты фантазерка! Какое чудесное Лисофанже создала ты!

Кент опустил Полину на пол:

– Я виноват перед тобой, перед Лисофанже и особенно перед твоей мамой. Прости меня. Я не ведал, что творю. Спасай друзей! Я должен поговорить с мамой. Только запомни:

как бы чудесно не было в Лисофанже всегда возвращайся домой, хорошо?

Полина сжала в кулачке свисток, крепко обняла папу за шею и решительно полезла под стол.

Она вновь стояла на берегу Софлигора и свистела изо всех сил. Притихшие французы стояли невдалеке и подозрительно косились на растерянных матросов Кента. Матросы выбрались на берег и походили на стайку пингвинов. Они мирно выжимали мокрую одежду и тоже косились на французов и на Полину со свистком Кента.

Жук-плавунец не появлялся. Вместо него в небе показался пони. Полина сразу узнала Чушку. Так и не дождавшись Глашу на скале, он вернулся в Софлигор. И вовремя.

Чушка приземлился рядом с Полиной, и девочка бесстрашно взобралась в седло.

Пустой разрушенный город остался далеко позади, и под ними распростерлась бесконечная океанская рябь, в которой Полина силилась отыскать друзей и свистела, свистела изо всех сил.

И вдруг из глубины синих прозрачных вод появился темный панцирь жука-плавунца. Чушка закружил над водой, пока жук полностью не всплыл из глубины. Полина свистнула три раза, и пасть жука медленно раскрылась. Из нее тут же выпорхнули два обезумевших пони и, сломя головы, бросились наутек. А следом выскочили Кира и Глаша. Чушка радостно заржал при виде хозяйки.

– Ты победила Кента? – первым делом крикнула Глаша, вынырнув.

– Нет, – закричала в ответ Полина. – Я приручила жука-плавунца.

Над волнами торчала огромная голова жука, издававшего урчащие звуки. Глаша и Кира недоверчиво смотрели, как Полина с Чушкой приземлились на гигантскую спину.

– Давайте руки! – Полина помогла друзьям взобраться на присмирившего жука. – Его зовут Еврашка.

Панцирь жука, где разместились ребята, оказался чешуйчатым и быстро нагревался на солнце.

Волны расступались перед громадным жуком, бороздящим океанские просторы мощными гребками.

Глаша стояла на головошее жука и управляла им за усы, как она видела, управлял им Кент.

– Поверить не могу, что Кент – твой папа, – недоумевала Глаша, выслушав рассказ Полины. Полина сама не могла до конца поверить в случившееся.

Совсем скоро показался Софлигор, куда возвращались из Летающей квартиры лисофанжеанцы. Завидев жука, люди вновь в панике разбежались. Но когда Аркадио сообразил посмотреть в подозрную трубу и увидел Глашу, лисофанжеанцы высыпали на набережную, замахали руками и закричали «Ура!». Французы пустились в пляс.

Больница Доктора Бо пришвартовалась к Софлигору, и оттуда ковыляли пациенты.

На берегу Аркадио Террибле помог ребятам спуститься с жука, выползшего на берег.

– Глаша – раз. Глаша – два. Обе Глаши в целости и сохранности! – обрадовался Аркадио.

– И все-таки Глаша – это я, – вытирая рукавом нос, сказала первая.

– А я – Полина, – рассмеялась вторая. Аркадио ее очень смешил. – А жука зовут Еврашка.

– И чем же мы будем кормить это чудовище? – забеспокоился Аркадио.

– Еврашка себя прокормит, – ответил Кира. – Можете не переживать. Я знаю наверняка, побывав в его брюхе.

– Глаша, – сказал, наконец, Аркадио, когда лисофанжеанцы обступили плотным кольцом ребят, – думаю, будет справедливо, если ты вновь станешь в Лисофанже главарем банды. Или как ты называлась до моего появления?

– Никак не называлась, – отмахнулась Глаша. За прошедшие дни Глаша сильно переменилась. Самым сложным и мучительным оказалось признаться себе, что и она могла ошибаться.

– Друзья, – обратилась Глаша к лисофанжеанцам, – я не мастак говорить длинные речи, как Аркадио. Править Лисофанже не должен один человек. Давайте создадим совет. И каждый лисофанжеанец сможет участвовать в жизни Лисофанже. Будем все обсуждать и решать вместе.

Лисофанжеанцы сначала нерешительно, обдумывая идею

Глашу, захлопали, а потом хлопки переспросили в аплодисменты. Аркадио Террибле, поразмыслив, одобрительно закивал.

И вдруг за спинами людей раздался громкий хриплый голос Кента. Лисофанжеанцы обернулись и немного попятнулись. Кент стоял на фоне разрушенного бешеными огурцами города. Рядом с ним толпились его матросы-карлики.

Кент говорил сбивчиво, извинялся перед лисофанжеанцами, просил приютить своих матросов и пообещал отстроить Софлигор. Лисофанжеанцы, молча, с укором, выслушали его и с любопытством рассматривали маленьких человечков, с которыми предстоит подружиться.

Когда Кент с Полиной вернулись домой, они допоздна сидели в ее комнате за столом и лепили.

Кент, вооружившись стеклом и иглой, снимал поврежденные стены, заново перемешивал пластилин и вылепливал полоску новой стены. Затем он равнял ее и подрезал края, намечал окна и двери. Полина ремонтировала крыши, выпрямляла погнутые скаты, палочкой рисовала черепицу, восстанавливала трубы. Лепила мебель – столы, стулья, диваны, креслица, не забывала про подушечки и уютные разноцветные коврики, лампочки и торшеры, занавески, трюмо с зеркалами, книжные шкафы, цветочные горшки. Работы было море, целый бескрайний океан.

Мама, хранившая молчание, только один раз заглянула в комнату, обвела холодным взглядом заставленный пласти-

лином стол:

– Стоило вернуться и опять за свое.

– Я уже извинился тысячу раз. И извинюсь еще тысячу. Но пойми, сейчас это крайне важно, – Кент вырезал иглой в пластилиновой стене дома маленькие окошечки и стеклил их прозрачным пластиком, который Полина вырезала из бутылки.

– Разумеется, крайне важно, – кивнула мама, но Полине показалось, что она говорила неправду. – Ужин на кухне.

Наутро, когда Полина проснулась, она увидела Кента. Он храпел на полу в спальнике, который выдала ему мама.

Полина вскочила с постели и первым делом заглянула под стол – оттуда доносился шум прибоя и свежий морской бриз. Полина радостно заулыбалась и краем глаза заметила, что Кент не ложился, пока не отремонтировал пластилиновый город. А когда, одевшись, Полина вылезла на берег Лисофанже, она не поверила увиденному. Софлигор был преобразен также как пластилиновый.

Новенькие чистые окна отражали лучи солнца, восходящего над океаном. На подоконниках – кадки с цветами. Хмель и виноград вились по ярко окрашенным стенам домов. Крыши со стройными трубами были аккуратно покрыты черепицей. По чистой умытой мостовой уже бродили проснувшиеся лисофанжанцы, также как и Полина, озираясь на право, налево, и не узнавая свои дома.

О Летящей квартире Кент и Полина тоже не забыли.

Проснувшись утром, Кира и Глаша опешили от царящей кругом чистоты, почувствовали, как благоухает цветущий фруктовый сад.

Кира, порядком проголодавшийся за ночь, первым делом пришел на кухню. Кухню окружали грядки с овощами, чудом созревшими за ночь. Прямо с грядки Кира сорвал огурцы, пару помидоров, перец, листья салата, укроп и петрушку, промыл овощи водой и нарезал в салат.

На раскаленной сковороде Кира обжарил мелко порезанные лук, помидоры и перец. Взбил с молоком яйца, которые нашел в погребе, и вылил смесь на фырчащую сковороду. Через пару минут был готов пышный омлет, который был разложен по тарелкам и посыпан зеленью.

Издали послышался трезвон. На запах омлета примчалась на велосипеде Глаша, которая объезжала свои владения. Она принялась уплетать омлет вместе с салатом.

– Очкусно, Кира, – приговаривала Глаша с набитым ртом. – Жуй скорее, я тебе кое-что покажу!

Она подвезла Киру на багажнике по длинному извилистому коридору и остановилась перед дверью. Кира заглянул внутрь. Просторная комната с кроватью, стеллажом, шкафом, столом, плетеными креслами, уютным мягким ковром. Занавески развевались на ветру, а из окна выглядывал океан. Кира прошел внутрь. Комната ему нравилась.

– Этой комнаты здесь раньше не было, – сказала Глаша. – Похоже – это твоя комната.

– Моя комната? – не поверил Кира.

– Конечно, твоя!

Кира еще раз огляделся, подошел к окну, провел рукой по столу, заглянул в шкаф. Там висела новая школьная форма, рубашки, футболки, внизу стояли ботинки, кроссовки.

– А мне нравится, – улыбнулся Кира.

Кент больше не приходил в Лисофанже. Он сбрил бороду и каждый день уходил куда-то восстанавливать документы и объясняться, как сказала мама.

– Он расскажет всем про Лисофанже? – испугалась Полина.

– Разумеется нет.

Мама с Кеном договорились больше не касаться темы Лисофанже. Много дней подряд мама и папа подолгу разговаривали обо всем на кухне, то повышая друг на друга голос, то тихо и монотонно. После этих разговоров оба были хмурыми и подолгу молчали, будто не замечая друг друга. Полине было тяжело выносить их разговоры и еще тяжелее – молчание, поэтому она чаще и чаще залезала под стол и уходила в Лисофанже.

И задание по французскому Полина предпочитала делать в компании французов. Изучение французского от этого не стало намного продуктивнее, но намного приятнее.

Пару раз мама путала Глашу с Полиной, когда Глаша отправлялась на прогулку с Кирой. И Глаша маму не разубеждала. Она строго настрого наказала Полине не рассказывать

про нее. Зато с Кентом у них завязалась дружба. Глаша пробиравалась в комнату Полины и брала уроки управления жуком-плавунцом.

Эпилог

Когда Инна Марковна вышла из дверей школы ей преградил дорогу мужчина в элегантном сиреновом пиджаке, с аккуратно уложенными рыжими волосами.

– Добрый день, Инна Марковна. Меня зовут Александр Аркадиевич Колбасников, – представился мужчина, раскланиваясь перед учительницей. – Я отец Кирилла Колбасникова.

– Отец Кирилла Колбасникова, – растерянно повторила Инна Марковна, во все глаза разглядывая незнакомца.

– Да, верно, – утвердительно закивал Аркадио Террибле, увлекая учительницу в сторону для частного разговора. – Каюсь, плохой отец. Не уделял должного внимания сыну. Долго жил за границей. В Париже. Да-да, в Париже. Люблю этот город, – вальяжно разглагольствовал лжеотец Киры, наслаждаясь произведенным эффектом на учительницу. Инна Марковна таяла на глазах, и румянец проявлялся на ее щеках. – Но теперь готов исправиться и взяться за воспитание сына. Я сторонник жестких мер и справедливых наказаний. Гарантирую, оценки будут исправлены, поведение скорректировано...

– Постойте, постойте, – запрочитала Инна Марковна, – что вы, что вы! Кира замечательный мальчик. Вы даже не представляете, как его любят в классе. А какой шутник! Его

не нужно корректировать. Разве что слегка. Уверена, ему просто не хватало отцовской любви...

А на другой стороне улицы, наблюдавшие за этой сценой Кира, Глаша и Полина покатывались со смеху. Кира был в новой форме, а за плечами висел верный оранжевый рюкзак. Правда дневник и учебники так и лежали на дне океана.

Аркадио и Инна Марковна еще долго обменивались любезностями, учительница краснела и отмахивалась.

– Ну что, друзья, – сказала Глаша, приобняв Киру и Полину за плечи, – дожидаемся дамского угодника и вперед, в Лисофанже!

Кира и Полина дружно кивнули.